

ОТ ПОСЛУШАНИЯ К СТАРЧЕСТВУ

*Путь подвига
Блаженной памяти схимонахини
Антонии (Сухих)*

*Светлой памяти
родной нашей матушки Антонины
посвящается*

От послушания к старчеству: Путь подвига блаженной памяти
схимонахини Антонины (Сухих). – Курск, 2012.

Составитель: Новиков Н.М.

Редактор: Новикова Г.В.

Составлено на основе записей бесед со схимонахиней Антонией (Сухих)
и с сестрами общины Иосифо-Волоцкого монастыря. 1996–2012.

Использованы материалы книги:

Новиков Н.М. Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий. Т. 1. М., 2011.

(Серия «Путь умного делания». Рекомендовано к публикации
Издательским Советом РПЦ, ИС 11-111-1245).

Отпечатано в ООО «ПОЛСТАР», г. Курск,
Элеваторный пер., 8. Тел./факс: +7(4712) 38 35 01;
e-mail: polstarkursk@mail.ru

Содержание

Путь подвига	6
Из воспоминаний матушки Антонины	
<i>Я замуж не пойду</i>	14
<i>Сам Господь меня вел</i>	21
<i>С владыкой</i>	27
<i>В немощах пренемогать</i>	38
Письмо матушки Антонины	
<i>архимандриту Кириллу (Павлову)</i>	67
Молитвенный труд	
<i>Из воспоминаний сестер, духовных чад</i> <i>матушки Антонины</i>	70
Маленькие истории	
<i>Из жизни сестер Иосифо-Волоцкой общины</i>	94
На курской земле	134
Эпилог	174

Путь подвиза

Иосифо-Волоцкий монастырь Московской епархии

Путь подвига

В ночь на 10 июля 2012 года последовала блаженная кончина схимонахини Антонии, отошедшей ко Господу на восьмидесять третьем году жизни через несколько минут после причащения Святых Христовых Тайн. Кончина прилась на день памяти глубоко почитаемого ею прп. Амвросия Оптинского.

Свой долгий путь от послушания к старчеству матушка Антония начинала с юности, уже тогда ей довелось воспринять иноческую традицию дореволюционной эпохи. Духовную заcalку она получила в тяжелые годы антицерковных гонений. Сначала это была строгая школа близкой родственницы — схимницы, подвижницы и исповедницы. Затем монашеское подполье и окормление у киевских старцев, исповедников, воспитанников праведного Иоанна Кронштадтского, пострадавших от большевиков. Наконец, почти два десятка лет в послушании у строгого подвижника, нелегального епископа Антония (Голынского).

Уже на седьмом десятке лет Господь призывает схимницу Антонию к старческому служению, которому она посвятила последнее двадцатилетие своей жизни, собрав вокруг себя монашеские общины в трех российских монастырях.

Сила духовных дарований матушки Антонии проявилась прежде всего в том, что она была носителем истинного подвижнического духа, воспринятого ею от своих наставников в той мере, которая определяется известным выражением «един от древних». Напряженный личный подвиг, десятилетиями не знавший послаблений, принес драгоценный плод сострадательной любви к людям, тот дар Божий, который не мог не ощутить на себе каждый, кому довелось встречаться со старцей Антонией.

Многое можно увидеть и понять из воспоминаний самой матушки, впечатляющих своей простотой и непосредственностью. Рассказы ее говорят сами за себя и дают представление о том, каким путем шли подвижники нескольких поколений, обреченные нести свой подвиг среди богоборческого мира. Предваряя повествование, кратко отметим основные факты биографии матушки.

Лидия Сергеевна Сухих, будущая схимонахиня Антония, родилась в 1929 году в Кировской области. В 1950-е годы в Киеве она была келейно пострижена в монашество. Все, что только возможно, враг предпринял в XX веке, тшась разрушить устои монашеской жизни, стереть с лица русской земли и храмы, и кельи. Иноческое сословие обрекалось на потаенную жизнь, вне монастырских стен, среди враждебно настроенного мира. В таких условиях долгие годы суждено было подвизаться монахине Антонии, разделяя участь тысяч исповедников, хранивших святыню веры среди гонений и лишений. В 1958 году она становится духовным чадом владыки Антония* и затем, в течение восемнадцати лет, несет подвиг строгого послушания, оставаясь келейницей и сподвижницей владыки вплоть до его кончины.

Лишь на седьмом десятке лет довелось матушке укрыться от мира за монастырской оградой. По настоятельной просьбе архимандрита Иннокентия** она переезжает с Украины в Под-

* **Антоний** (Тихон Иванович Голынский; 1889–1976), нелегальный епископ, подвижник и активный деятель церковного подполья эпохи коммунистических гонений. Известен среди своей паствы как *архиепископ Антоний (Голынский-Михайловский)*. Родился в Орловской обл. в бедной крестьянской семье, в отрочестве непродолжительное время находился на воспитании в монастыре. Воевал в звании штабс-капитана (1915–1916). Рукоположен в иерейский сан (1922), служил приходским священником в селах Брянской и Смоленской обл. Пострижен в монашество (ок.1933). Арестован органами НКВД (1936), осужден по 58-й статье на 5 лет ИТЛ. Во время заключения в Ухтпечлаге в условиях конспирации нелегально рукоположен во епископа. До конца жизни сохранил нелегальный статус, не входя в каноническое общение с предстоятелями РПЦ. Вновь арестован (1950) и осужден. Срок отбывал в Потьминских лагерях (Мордовия), освобожден через 5 лет по амнистии (1956) в возрасте 67 лет. Дальнейшую жизнь еп. Антоний посвятил окормлению многочисленной паствы, состоявшей преимущественно из тех, кто во времена гонений утратил доверие к Московской Патриархии. Проживал владыка (с 1958) в доме своей келейницы мон. Антонии (Сухих) в Киевской обл., богослужения совершал в домашних условиях. Скончался в пос. Буча под Киевом (13.04.1976).

** **Иннокентий** (Просвирнин; 1940–1994), архимандрит, доцент МДА. Историк, археограф, богослов, человек энциклопедических знаний и высокой культуры. Сподвижник митр. Питирима (Нечаева), он 30 лет трудился в Издательском отделе Московского Патриар-

московье. Здесь, по благословению митрополита Питирима*, она поселилась в пустующем Иосифо-Волоцком монастыре. Наступил 1992 год. Владыка Питирим, ставший с конца 80-х годов, в дополнение к многочисленным своим обязанностям, игуменом-наместником этой древнейшей обители и несший это послушание до конца жизни, надеялся возродить здесь духовную жизнь.

Очень скоро вокруг дотоле никому не известной схимницы начали собираться сестры, ищущие духовного руководства и молитвенной жизни. С благословения владыки Питирима и при содействии отца Иннокентия стала зарождаться женская монашеская община, ставшая со временем довольно крупной — около тридцати сестер. За двенадцать лет, отведенных Промыслом Божиим владыке Питириму на окормление сестричества, он совершил здесь более десяти постригов: в иночество, монашество, схиму.

Примечательно, что все, кому довелось в те годы посещать уединенную Волоцкую обитель, неизменно ощущали в среде сестер господство благодатного духа любвеобилия — духа, пи-

хата. Несколько лет возглавлял научный центр Иосифо-Волоцкого мон-ря и занимался восстановительными работами. В последний год жизни принял келейный постриг в схиму с именем Сергей. Скончался в праздник апостолов Петра и Павла (12.07.1994).

***Питирим** (Нечаев; 1926–2003), митрополит Волоколамский и Юрьевский, vicарий Московской епархии. Один из выдающихся иерархов Русской Православной Церкви, видный общественный деятель. Принадлежал к 300-летнему потомственному роду священнослужителей, состоял в тесном общении со многими представителями дореволюционного духовенства и непосредственно от них воспринял русскую церковную традицию. Его духовные наставники — это известный московский протоиерей Александр Воскресенский и представитель Оптинского старчества преподобноисповедник Севастиан Карагандинский. Четверть века владыка был ближайшим сотрудником патриарха Алексия I (Симанского). Он имел близкие доверительные отношения с такими духоносными личностями, как митр. Иосиф (Чернов) и архим. Иоанн (Крестьянкин), поддерживал общение с архиеп. Василием (Кривошеиным) и прот. Николаем Гурьяновым. Более 30 лет владыка возглавлял Издательский отдел Московского Патриархата. Перед кончиной был келейно пострижен в схиму. Митр. Питирим почил на 78-м году жизни (4.11.2003), отдав 60 лет служению Церкви, из них 40 — в архиерейском сане.

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим и архимандрит Иннокентий (Просвирнин)

таемого материнским сердцем матушки Антонии, укрепляемого отеческой заботой владыки Питирима и, конечно, освященного молитвенным покровом неусыпного хранителя обители, ее священноигумена прп. Иосифа Волоцкого.

После кончины митрополита Питирима в жизни общины начинается новый период. Господь Своим произволением выводит сестер во главе с матушкой из пустынной тишины волоцких лесов и поставляет их на новое поприще. Заботу о сестричестве проявил митрополит Курский и Рыльский Ювеналий*. В 2004 году общине был предоставлен Свято-Троицкий монастырь, требовавший восстановления, — обитель не менее древняя, чем Волоцкая, но расположенная в самом центре многолюдного Курска. Сестры, стяжавшие внутренний покой

* **Ювеналий** (Тарасов; р. 1929), схимитрополит. В течение 20 лет возглавлял Курскую кафедру. В настоящее время пребывает на покое.

на пустом месте, старческая молитва двух схимников — владыки Ювеналия и матушки Антонии — собирает целое воинство черноризцев: вновь, уже в третьем монастыре, вокруг матушки образуется новая община — около сорока сестер.

Указом архиепископа Курского и Рыльского Германа настоятельницей Троицкого монастыря была назначена монахиня Сусанна (Барыкина), благочинной — монахиня Ангелина (Абрамова), настоятельницей Алексеевского монастыря стала монахиня Елизавета (Семенова). Все три сестры — это одни из самых первых членов первой общины схимонахини Антонии, воспитанницы матушки и постриженицы митрополита Питирима*.

* Подробнее с жизнью этих двух обителей можно познакомиться на их официальных сайтах:

Курский Троицкий мон-рь — <http://kursk-sestry.ru>

Алексеевский мон-рь в Золотухино — <http://zolotuhino.mrezha.ru>

Слева: Иосифо-Волоцкий монастырь, где собралась первая община матушки Антонии

Внизу: Алексеевский монастырь — место упокоения матушки

в подмосковной пустыне, были призваны теперь послужить своей молитвой жителям крупного, шумного города и его обширным окрестностям.

И вот уже на новом месте община получает новое пополнение. К матушке Антонии, которую никто здесь доселе не знал, потянулись люди — за советом, за молитвой, за помощью. Вновь вокруг нее собираются души, ищущие путей ко Господу, ищущие, где бы духовно согреться и напитаться. Начинает восстанавливаться и налаживаться богослужebная и хозяйственная жизнь обители.

Не прошло и двух лет, как мать Антония берет на себя новый подвиг. В 2006 году по просьбе схимитрополита Ювеналия 77-летняя матушка с небольшой группой сестер переселяется в новостроящуюся обитель — монастырь во имя Алексия, человека Божия, в поселке Золотухино недалеко от Курска. Эта обитель, основанная находящимся на покое схимитрополитом, нуждалась в духовной помощи, здесь предстояло налаживать и внутреннюю, и внешнюю жизнь. И вот, фактически

*Из воспоминаний
матушки Антонины*

Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра

Из воспоминаний матушки Антонию*

Я замуж не пойду

Биография моя очень сложная. Я с двух лет замороженная. Полтора года мне было, когда коллективизация началась. Отбрали у нас всё и погнали из Кировской области в Сибирь, в Томскую область. Ехали на лошадях, дело было поздней осенью, в холод. Не знаю уж, как получилось, но мать со мной и с трехлетним братиком от обоза отстала, а отец со всеми вперед уехал. Мать осерчала очень, расстроилась, что ее как бы бросили. Положила она нас на снег и поехала вперед — обоз догонять. По молодости вспышка такая. Наверное, часа три мы там оставались. Когда вернулись за нами, мы уже были позамерзшие.

У меня сильно перемерзло все. И обогреть было негде, обоз идет, место открытое.

Помню, в детстве я удивлялась, почему бегать не могу, как все, почему все время ноги болят. Год я пролежала с закутанными ногами — из них воспаление зеленью выходило. А мама не рассказывала ничего, но переживала за меня сильно. Перед смертью только она этот случай открыла владыке Антонию, он ее исповедовал каждый день, все допытывал: «Что еще? Что еще?»

У меня и горло было плохое, часто воспалялось. Мне его семь раз резали. Не знаю, как я пою, как читаю за службой. Легкие тоже были попорчены. А ноги всю жизнь не давали покоя. Лечилась березовым листом, ноги парила да заматывала бинтами. Немного легче стало. После вышивального техникума устроилась работать, но не могла на машинке шить — такие боли в ногах были. Посоветовали мазать ноги составом из ка-

штана, керосина и еще чего-то. Так я потом чулки вместе с кожей снимала. Но после бросила все. Решила: как будет, так будет... Ну а ревматизм я уже в войну получила. Не помню такого времени, чтобы ноги у меня не болели.

В детстве мама нас иногда ругала и наказывала. Я сразу тогда на коленки и прошу: «Мамочка, прости, мамочка, я больше не буду!» А сестра Галя кулачки сожмет, трясет ими перед маминым носом: «Посмотри, что ты наделала — вся попа красная!» Мы с сестрой вообще очень отличались. Она все с друзь-

Лидия Сухих (справа) с сестрой Галиной и братом Виктором

* Составлено по материалам бесед со схимон. Антонией (Сухих). 1996–1999. Архив составителя.

ями в гости, на танцы ходила. Я же больше дома сидела. Или с подругой в поле уходила, читала ей Евангелие. Помню, еще в четвертом классе пойдем с ней и я ей все про Бога, про Страшный Суд рассказываю.

А еще помню, как любила в детстве прыгать на одной ножке и петь: «Мама, я красивая, мама, я хорошая, а замуж не пойду».

Жизнь моя всегда была трудной, детство тяжелое, война, голод. В нашей семье восемь человек детей было. Мы с мамой по ночам, с трех часов утра на корове за дровами ездили. По пояс в снегу лазали, рубили деревья, а потом на корове привозили в деревню. Так мама и нас, и всех бедных дровами снабжала. Вернемся мокрые, замерзшие, а надо в школу бежать.

Помню, бабушка моя всегда говорила: «Хваля Бога — не погибнешь». То есть кто хвалу всегда воздаст, благодарит за все Господа, у того спасительное смирение, а не ропот погибельный. В войну напекут хлеб из гнилых очисток картофельных — горький, песок на зубах скрипит, никто есть не может. Только бабушка ест да нахваливает: «Вкусный хлеб получился. Чем с голоду помирать, лучше такой хлеб есть. Хваля Бога — не погибнешь».

Юность тоже нелегкая была. Но Господь сводил с людьми благодатными. Неподалеку от нашего села Асино жила монахиня мать Сампсония. Мне лет двенадцать было, когда я к ней ходила. Она была высокой жизни. С шести лет в монастыре. В детстве она однажды сидела дома одна и зашли монахини, они на монастырь собирали. Она к ним и пристала и уехала с ними. Стали родители ее искать, нашли в монастыре, но решили, что такая воля Божия — и оставили. В монастыре она начальницей пристани была, вокруг всегда толпились мирские, на нее заглядывались — хороша собой была. Стала она однажды на молитву и зарыдала: «Матерь Божия, я так не спасусь. Матерь Божия, пошли мне болезнь, чтобы спастись». Так в слезах и уснула. Утром просыпается — вся опухшая, отекала так, что еле боком в дверь проходила. Быстро все получила — и кисту, и водянку.

Как я ни пойду к ней, она всегда уже на крыльце стоит, меня поджидает, и самовар у нее готов. Удивлюсь: «Матушка, как же Вы знаете?» А она смеется: «Знаю». Она такой жизни была: утром ей что-нибудь несут, а вечером она все уже людям раздаст. Себе ни кусочка не оставляла. Нам всегда мыла припасала, знала, что семья большая. Маме говорила: «Ксюша, у тебя

дочь родится, назовешь ее Галей, а я буду крестной ей». Так и получилось.

Там еще жил ссыльный батюшка, протоиерей Петр Васильев*, он до ссылки благочинным был, в самое такое время, когда священников расстреливали, на колы сажали. Про него известно, как он за одного революционера молился. Дело было еще до революции, того арестовали и посадили в тюрьму. Так отец Петр на коленях вымаливал, чтобы его отпустили, потому что у того семья большая осталась. Его и освободили. Потом уже, в разгар революции, отца Петра забрали большевики, посадили на стог сена и подожгли. А так случилось, что тот самый революционер там же оказался. Он батюшку узнал и спас

* Известно, что протоиерей Петр Семенович Васильев в 1950 г. служил в Свято-Троицкой церкви г. Томска, его супругой была Анна Андреевна Васильева.

*Протоиерей Петр Семенович Васильев
с супругой Анной Андреевной*

его. Но отец Петр ослеп после этого. Так вот он, слепой, служил литургии — всю службу наизусть.

В той же деревне жила семья ссыльного профессора Николая Александровича Ламсакова, он на свои деньги больницу выстроил. За лекарствами приходилось в район ездить. И вот по пути он всех встречных на свою телегу сажал, а сам пешком шел.

А у нас стала жить мамина тетья Елизавета, инокиня, будущая схимонахиня Евфросиния. Она лет девятнадцать провела в монастыре, потом шесть лет в тюрьме сидела. Освободившись, к нам приехала. В монастыре ее только в рясофор успели постричь. Когда она в заключении была, явилась ей преподобная Евфросиния Полоцкая, сказала: «Будешь монашество принимать, бери мое имя, я тебе покровительницей буду». При постриге это имя она и получила. Постригал ее уже наш владыка Антоний — сначала в мантию, потом в схиму. Матушка Евфросиния прошла страшный тюремный путь. Замерзала на этапах. Взяли ее вместе со священником из церкви, в которой она псаломщицей была. Было это в Кировской области в селе Нестино.

Так вот, она никакую работу по дому не делала — только молилась. Мама к тому времени совсем больная стала, и вся работа на мне. Вернусь из поликлиники, где я регистратором работала, надо и прибраться, и постирать, и продуктов принести, и сготовить, и огород... Пока все переделаю, только прилягу, а тут в двенадцать ночи матушка Евфросиния будит на полунощницу. Вычитаем полунощницу, прилягу часа на два, а в три ночи матушка уже будит на утреню. Сама-то она днем поспит, а мне сразу после утрени на работу надо уходить. Так что я очень заморенная была. Одна мечта — только бы выспаться.

Целое поколение монахов прожило в подполье — в миру, в лагерях, без церквей, без монастырей. Нельзя даже представить, как им трудно было. Особенно тем, кто прошел лагерь и тюрьмы. Вокруг безбожие, муки, страдания, а внутри тоже борьба — и страх, и уныние нападает. Некоторые мантийные не выдерживали, повыходили замуж. А матушка Евфросиния в рясофоре, но такую верность Господу имела... Она красивая была, высокая. Дал Бог — умерла в схиме.

На стр. 19: Схимонахиня Евфросиния (слева)

Она часто к отцу Петру Васильеву ходила. Церкви там не было. И вот как-то на Пасху решили на дому отслужить. Народу собралось столько, что даже пол продавили. После этой службы к нам милиция нагрянула. Забрали они маму и мать Евфросинию. Мы, дети, одни остались – отец на фронте. Матушку в милиции сильно били. Она им говорила: «Что хотите, то и делайте со мной. Я за Господа страдала шесть лет и еще пострадаю». А у меня мысли: раз Евфросинию били, значит, и маму бить будут. Переживала. Но война закончилась, и маму по амнистии отпустили. А отца забрали еще на Финскую. Всю войну провоевал, ранен был. Мы его из Берлина ждали, а его отправили с японцами воевать.

Потом мать Евфросиния в Томск переехала, устроилась при Петропавловском храме. Каникулы я у нее проводила, никуда за ограду храма не выходила. Только с книжечкой сажу на траве. У нее келья была прямо на паперти. Она просфоры пекла. Пела на клиросе. Однажды приезжаю после каникул и говорю родным: жить больше здесь не буду – буду жить с матушкой Евфросинией. И уехала в Томск. Они подумали, подумали, продали дом и тоже в Томск перебрались, за мной следом.

В Томске увидела я объявление вышивального техникума, думаю: «Матерь Божия какая рукодельница была. Пойду учиться вышивке». Конкурс был очень большой, но поступила, а в церкви пела на клиросе.

Когда узнали, что я в церкви пою, начались нападки. Одна учительница заставляла меня крест снять. Как урок начинает, так ко мне: «Сними крест». Папу вызывали. Он был партийный, говорит мне: «Ты снаружи-то крест не носи». А я отвечаю: «Я христианка, чего я буду бояться? Ты, папа, не вмешивайся в мою жизнь. Ты мне крест не надевал, и ты его у меня не снимешь. И она не снимет». Учитель по рисованию за меня заступился: «Что вы ее мучаете? В конституции записано о свободе вероисповедания». Но все-таки они мне разряд понизили, хотя я на пятерки училась.

Как-то потом уже я эту учительницу встретила. Вся согнутая такая, говорит: «Лидочка, я страдаю, муж бросил, ребенок умер...» Просила прощения у меня. Ну я-то что?.. Ей бы с Господом примириться.

На стр. 21: Лидия Сухих (в центре) с подругами. Томск. 1949 г.

Сам Господь меня вел

Двадцать один год мне был. И вот появляется вдруг сильное внутреннее чувство: поезжай в Киев. Чувство это меня не оставляет, покоя не дает: уезжай насовсем. Там тебе всё будет. А мы тогда только дом выстроили, коровку купили, свинью. Только, что называется, жить начали, я работать поступила, преподавать вышивку в школе начала. Но не смогла до Пасхи дожить, решаюсь ехать.

Мама меня одну не пускает, только со своей теткой – с матушкой Евфросинией. Вот мы и поехали. В Киев, потом в Почаев. Там познакомилась с такой же странницей, как и я, Зинаидой из Новосибирска. Год прожила без прописки, без работы – то в Киеве, в Лавре, то в Почаеве. Летом с Зинаидой в сарае жили, на соломе спали. Питались просфорами, что в

церкви давали. Вот так: вода да просфоры. Но внутренне была спокойная.

Однажды прихожу, смотрю, Зинаида и свои просфоры съела, и мои. Ушла голодная. Вернулась в Лавру, плачу стою. Вдруг из алтаря священник выходит и говорит: «Не плачь, на тебе девятичинную».

А однажды подходит ко мне монах, отец Василий его звали, дает сто рублей. Это большие деньги тогда были. А у меня было такое мнение: когда нищим дают, то через это под благословение Господа подходят. Я и говорю: «Зачем же Вы мне дадите? Я не нищая. А Вы бы эти деньги разменяли, нищим давали и сколько раз за это к Богу подошли бы под благословение». А он улыбается и говорит: «Нищий-то попросит, а Вы-то не попросите, а у Вас ничего нет. И Вы голодная. Мне Господь указал Вам дать».

Разве оставит Господь человека, если он ради Него живет. Потом я узнала, что он бывший офицер. Жена не хотела с ним венчаться. Он тогда бросил жену и пошел в монастырь. А его там не принимают, говорят: «Еще офицеры в монастырь пойдут». Тогда он стал молиться преподобному Иову Почаевскому. И его оставили в монастыре. Потом жена ему в ноги падала, но он не вернулся. Жил он в скиту, четыре километра от Почаева, туда мы часто ходили. Спали прямо в коридоре. У подружки Зинаиды была тонкая шаль, мы ее постелем — и как на перине. Так тепло было, так хорошо.

По монастырям ходили. Сорок километров до монастыря в селе Обручев по камням босиком шла, сбила ноги в кровь. Там встретила с матушкой Зоей, она с шести лет в монастыре. Иконы писала. Потом игуменьей в этом Обручевском монастыре стала. Так она меня просила: «Оставайся, будешь у меня келейницей. Научу тебя живописи». А у меня внутреннее чувство: нет, не то, нельзя оставаться. Тогда она нас к своей подруге отправила, игумении Херувиме, в Городище. Пожили там, на огородах работали. Мать Херувима тоже уговаривала остаться. А у меня внутренний голос: нельзя тебе тут. Я убеждена была, что это не мой путь, нигде поэтому не осталась.

В Почаеве в скиту были у схимника отца Николая. У него была чудотворная икона, и к нему хворые и убогие шли. Чудеса по его молитвам происходили. Много позже уже мама моя сама видела, как пришла к отцу Николаю женщина на костылях, просила к иконе приложиться. И вдруг ее будто током

ударило, и закричала: «Батюшка, костыли не нужны, у меня ноги сильные...» Он поводит ее вокруг церкви. Ушла от него без костылей.

Так вот, заходим к нему в келью, я его первый раз видела. Он встает на стульчик, снимает со стены бумажную икону «Игумении»* и благословляет меня ею, а подружку мою — иконой «Млекопитательница». Она потом замуж вышла, да неудачно.

В Почаеве встречалась я с отцом Кукшей**. В храме на службах так получалось, что отец Кукша позади меня стоял. А я тогда все службы на коленях стояла, на железных плитах. У меня представление такое о молитве было — обязательно надо на коленях молиться. А службы там по пять часов. Коленки затвердели, как бы панцирем покрылись. Ревность не по разуму.

Однажды решила, подошла к отцу Кукше: «Благословите в монастырь». Он говорит: «Нет монастырей». — «Как нет? В Киеве три монастыря». Ногой топает: «Я сказал тебе — нет. У тебя дома монастырь». — «Как дома? Я из Сибири приехала, дома нету». Позже это прояснилось. Тогда, конечно, не понимала, кто передо мной. Я никем не руководилась, как-то Сам Господь меня вел, никакого старца у меня не было. В селе, где я росла, даже церкви не было. И вот слова отца Кукши подтвердились. Потом наша жизнь с владыкой Антонием — это и был монастырь домашний.

В Киев мама мне денег не посылала, думала, что я так вернусь скорее — не проживу без денег, без жилья, без работы. Через какое-то время дворники, муж с женой, узнали, что я из

* Эта репродукция иконы «Игумения Св. Горы Афонской», благословение о. Николая, по сей день находится в келье матушки Антонии.

** Кукша Одесский (Величко; 1875–1964), преподобный; схиигумен. Уроженец Малороссии, о. Кукша принял монашеский постриг на Св. Горе (1897). Во время афонской смуты был возвращен в Россию (1912), подвизался в Киево-Печерской Лавре. Арестован (1938) и отправлен в лагерь, затем в ссылку (1943). Вернувшись в Лавру (1948), стяжал известность своими духовными дарованиями. Переведен в Почаевскую Лавру (1953), затем в мон-рь Черновицкой епархии (1957) и, наконец, в Одесский Успенский мон-рь (1960), где старец и обрел место своего упокоения. Канонизирован УПЦ (1994). Память 16/29.09.

Сибири, что жить мне негде, и пустили к себе. Я им помогала снег чистить ночью. Они меня от милиции прятали. В шкаф даже сажали.

Однажды стою в храме, думаю: ну хоть бы у меня три рубля было, чтобы я принесла хозяевам селедки, хлеба, а то все их кушаю. Они так бедно жили — что там дворники получали... А в Лавре я все в одном месте стояла. Там народу столько, что не перекреститься. Тогда у меня слезы сильные в молитве были. Вдруг женщина подходит и кладет мне в руку три рубля. Я прямо вздрогнула: «Почему Вы мне даете? Кто Вы такая?» — «Я такая, которая таким помогает». И ушла.

А пойду работу искать — давай прописку, иду прописаться — давай справку с работы. Думаю: «Господь сильнее». Поехала на станцию Боярка недалеко от Киева. Захожу в храм, стоит старушка горбатенькая, Макриной ее звали, с таким добрым лицом, с глазами такими добрыми. И почему-то меня к ней повлекло. Я ее спрашиваю: «Вы меня пропишете?» Она сразу: «Пропишу». И берет меня с собою. Она была девица, замуж не выходила. У нее был пол земляной, лавки широкие. В избе холодно, топила она конским навозом и какими-то щепками. Положит она меня на лавку, укроет всей одеждой, что у нее была, а сама сидит возле стола всю ночь. Я всегда за нее молюсь. Как стала работать, всегда привозила ей по пять рублей.

Так Господь ее ко мне расположил, что она меня прописала. Я все молилась, чтобы устроилось с пропиской. Прихожу к начальнику милиции: «Пропишите хоть на месяц». Он прописал меня на три месяца, а потом и на полгода, и на год. А потом уже мои родные — мама, папа, брат с сестрой — в Киев переехали. Нашла для них полдома. Отцу удалось сразу по переводу на работу устроиться. Рядом с домиком арбузов насадили. Все наши были в восхищении, в Сибири же ничего такого нет.

Устроилась я работать на вышивальную фабрику. Однажды увидела мужчину, поняла, что он нуждается. Дала денег ему, а он заплакал: «Девушка, четыре дня ничего не ел... Как Вы узнали?» — «Да почувствовала». Кто сам голодал, тот чувствует.

Я убеждена была, что в Киев меня Бог позвал. А когда предашься в волю Божью, то все образуется. Ведь чудеса происходили. Например, однажды Бог послал женщину, которая меня на зиму одела. В Киев я приехала без теплой одежды, мама, наверное, думала, что до зимы не дотяну, вернусь. Пришла зима. Что делать? Денег нет. И вот во Владимирском соборе в Киеве

вижу, какая-то молодая женщина на меня поглядывает. И меня к ней притянуло, и я на нее гляжу. Выходим из храма и — друг ко другу, обнялись, целуемся, плачем. Я спрашиваю: «Кто Вы такая?» — «А Вы кто такая?» Мне-то хотелось ни с кем не знакомиться, чтобы меня никто не знал. А вот Господь такую встречу устроил. Она меня повела к себе, рассказала, что у нее муж композитор, что они уже десять лет живут, как брат с сестрой. Такая семья чудная. Они меня одели во все зимнее. Так я зиму пережила.

Господь все устраивал. Кто доверится Господу, о том Он печется. Мне не на кого было рассчитывать — только на Господа. Ни знакомых, никого.

Однажды искала работу. Денег даже на трамвай не было. Пешком ходила. Вот как-то иду по путям, по шпалам, вся в своих мыслях. Сзади — поезд, а я не слышу. Рядом с линией забор — расстояние крохотное, не раздавит, если только прижмешься к забору. Поезд подходит, а я не слышу. Вдруг какая-то женщина меня как схватит — и прижала к забору... Все в одну секунду происходит. Товарный поезд проходит. Женщина держит меня крепко, не говорит ничего, только я в глазах у нее вижу упрек и жалость. Высокая, в фуфайке. И держала меня, пока состав не прошел. А потом раз и исчезла... Как хранит Господь!

Вечером получаю от мамы телеграмму: «Встречай». Думаю: «Мама, мама, костей бы не собрала».

Молодая я сомневалась — как помощь Божия может мгновенной быть. И вот был такой случай со мной. Я одному человеку иконы давала, он с них фотокопии делал и продавал. Дала ему как-то образы архистратига Михаила и Матери Божией, а когда забирала, он хотел меня проводить — вечер, идти лесом надо. Отказалась, думаю: увидит кто-нибудь, разговоры пойдут. И вот, иду лесом, темно, смотрю — два мужчины навстречу. У меня сразу сердце екнуло: какие-то нехорошие очень. Я читаю: «К Кому возопию, Владычице...» Они меня схватили, руки выкрутили, часы снимают. Один приставил нож к сердцу, другой под кофту залез — думал, там деньги, на груди. «Кроме крестика, ничего нет», — говорю. Он сильно выругался, а потом: «У нас пощады никому нет». Тогда у меня вырвалось: «Архистратиг Михаил! Святитель Николай! Защитите!» Громко так закричала... Нож в сторону летит, руки оба опускают: «Иди, мы тебя не тронем».

Я сама больше их поразила — до чего помощь Божия мгновенна.

Утром на работу прихожу в поликлинику, узнаю, что в тот вечер пятерых изнасиловали и изуродовали до смерти. Да, если предашься в волю Божью, то Бог и ведет. Сила Божья сильнее всех сил. И всегда защитит, если надо будет.

В 50-е годы я уже в келейном постриге была. Оба пострига, в рясофор и в мантию, приняла в Киеве от старцев иеромонахов, которые были близки с отцом Иоанном Кронштадтским. Их за это и посадили. Когда батюшки вернулись из лагеря, то приезжали служить к одной моей знакомой, я с ней работала на вышивальной фабрике. Я уже мастером была, она — ученицей. Я к ней год ходила ночевать. Жила она у самой Лавры. Я не любопытствовала, что там у нее в доме происходит, а к ней приходили монахи тайно молиться. Это было тайное монашество. Они там исповедовались, молились, а в церковь ходили причащаться.

Мне особенно запомнилось, что они меня сами к себе позвали и постриг сами предложили. Тогда келейные постриги были приняты. Первый постриг был в мае, на Иоанна Богослова, а второй через год. В мантию постригал отец Иоанн (Шмерев). Имя получила в честь преподобного Антония Печерского.

Когда причащалась в церкви, я своего монашества не выдавала, называла мирское имя — Лидия. Три года от мамы скрывала, что в постриге. В поликлинике, где я работала регистратором, знали, что я верующая, но про монашество не знали. Как-то была у нас эпидемия гриппа. Все недели повязки. А я нет — говорить неудобно. Думаю: если Господь попустит болезнь, то будет. Так одна врач мне и говорит: «За то, что ты верующая такая, тебя Господь и хранит».

А про монашество никто не знал. Бесы знали. Приходит однажды к нам в поликлинику бесноватая и как закричит: «А-а, монашка залезла!» Людей целый вестибюль. «Знаю, кто ты... В четыре часа встает, молится... Монашка, закрылась халатом...»

С владыкой

И наконец Господь свел меня с владыкой Антонием, который вышел из сталинских лагерей. Эта встреча перевернула всю мою жизнь.

Владыка освободился из заключения по амнистии в 1956-м году, его оформили на поруки, и жить он должен был на одном месте, как в ссылке, и являться на проверку в милицию. На поруки его взяла Клавдия Ремизова, она жила в поселке Хоста под Сочи, в чай-совхозе. Отец ее был лесником, их домик в лесу стоял. Семья большая, а с владыкой они были раньше знакомы, еще до ареста. Каждые два месяца вызывали владыку на проверку. Обращались с ним очень грубо. И вот, после всего, что он в лагере перенес, нервы у его не выдержали — сжег он свои документы и пошел странничать.

Узнала я о владыке от одного монаха, а тот от одного батюшки, отца Петра, которого владыка обратил из имяславия. Этот монах мне про владыку рассказал, и стала я просить встречи с ним. Писала владыке исповеди и в конверт деньги вкладывала. Собирала по копейке, потом меняла на десять рублей. Еще одеколон покупала, он любил «Розу». Передавала эту посылочку через матушку знакомую. Владыка думал, что мы богатые. А мы такие богатые были, что стенки в доме гнилые выбросили и оставшиеся доски дубовым листом пересыпали, так и зимовали. Крыша текла.

И вот однажды приезжает владыка в поселок Ирпень под Киевом, где мы с родней в то время обосновались. Остановился он в доме соседей, Меланьи и Варвары. Одну он в мантию постриг, другую в иночество. Привозила его Клавдия Ремизова. Там я с ним и познакомилась.

Когда я первый раз владыку увидела, то еще не знала, что это он, не знала, что архиерей передо мной. Но сразу ему в ноги кинулась. Я так рыдала, почувствовала, что все нашла, что искала. Он руку мне на голову положил и говорит: «Благодатная, поняла, кто перед тобою». На исповедь пошла. После была служба, потом — проповедь. Слушала и молилась: «Господи, запиши каждое слово в моем сердце, чтобы я все помнила». Был это 1958 год.

До владыки я ездила по домам монашествующих с отцом Николаем, монахом. Слушалась только его, он казался мне таким аскетом, таким подвижником. Он без паспорта жил, за

Владыка Антоний в заключении. Крест и панагия изготовлены узниками из картона. Потьма. 1950-е гг.

послушание и я паспорт бросила. Оставила больную маму и ездила с ним. Когда я владыку встретила, то он мне сразу велел паспорт получить. А отец Николай потом иеромонахом стал, но умер в плотском грехе, без покаяния. На старости лет, ему уж под семьдесят было, сошелся с женщиной и сожительствовал. А был всегда таким постником. Вот почему я постникам теперь не верю. Во весь пост не разрешал масла постного кушать, только в субботу и воскресенье. Худой был — одни кости. Молитвенник необыкновенный, поклоны клал не переставая. А уловился в блуде.

И вот, стал владыка у нас жить — и на Донбассе в городе Снежное, и в поселке Ирпень под Киевом, а в 1966 году родители купили дом в Буче, тоже недалеко от Киева. Туда и владыка перебрался. Там мы с ним прожили еще десять лет. Там он и умер 13 апреля 1976 года.

О прошлом своем владыка никогда специально не рассказывал. Не писал ничего о себе. А расспрашивать неудобно было. Иногда только обмолвится о чем-нибудь, то с одним, то с другим. Так что биографию его на самом деле никто не знал.

В Ирпени мы постоянно почти не жили, в основном разъезжали с владыкой, он паству свою окормлял. В Буче дом наш стоял на краю поселка, в безлюдном месте. Это очень удобно было — подальше от посторонних глаз. Владыка ведь без документов жил. Никто из соседей не знал, что у меня нелегальный архиерей живет. Люди, кто к нам приезжал, очень осторожны были, приходили и уходили ночью. А приезжали многие. Владыка дома литургии служил. Я каждый день ему правило читала, все службы вычитывала. А еще — хором руководила. Вот приедут к нам чуваша, мордва, белорусы, украинцы, и пой с ними литургию. Каждый по-своему поет. А владыка меня учил, чтобы я никогда ни на кого сурово не посмотрела. Он говорил: «Ты не имеешь права даже взглядом показать, что что-то не так». Переживаю, молюсь: «Царица Небесная, у Тебя ж столько ангелов певчих, пошли хоть одного». Смотришь, и споем литургию. Говорили, что у нас хорошо поют. Вот так Господь давал.

Владыка много ездил к духовным чадам, во всех поездках — я с ним. Поэтому жизнь моя с владыкой еще тяжелее стала — по два-три месяца мы с ним в разъездах по разным концам. Ездили часто, в любое время года, в любую погоду. А как ездили? Огромные сумки приходилось на себе носить — с облачением,

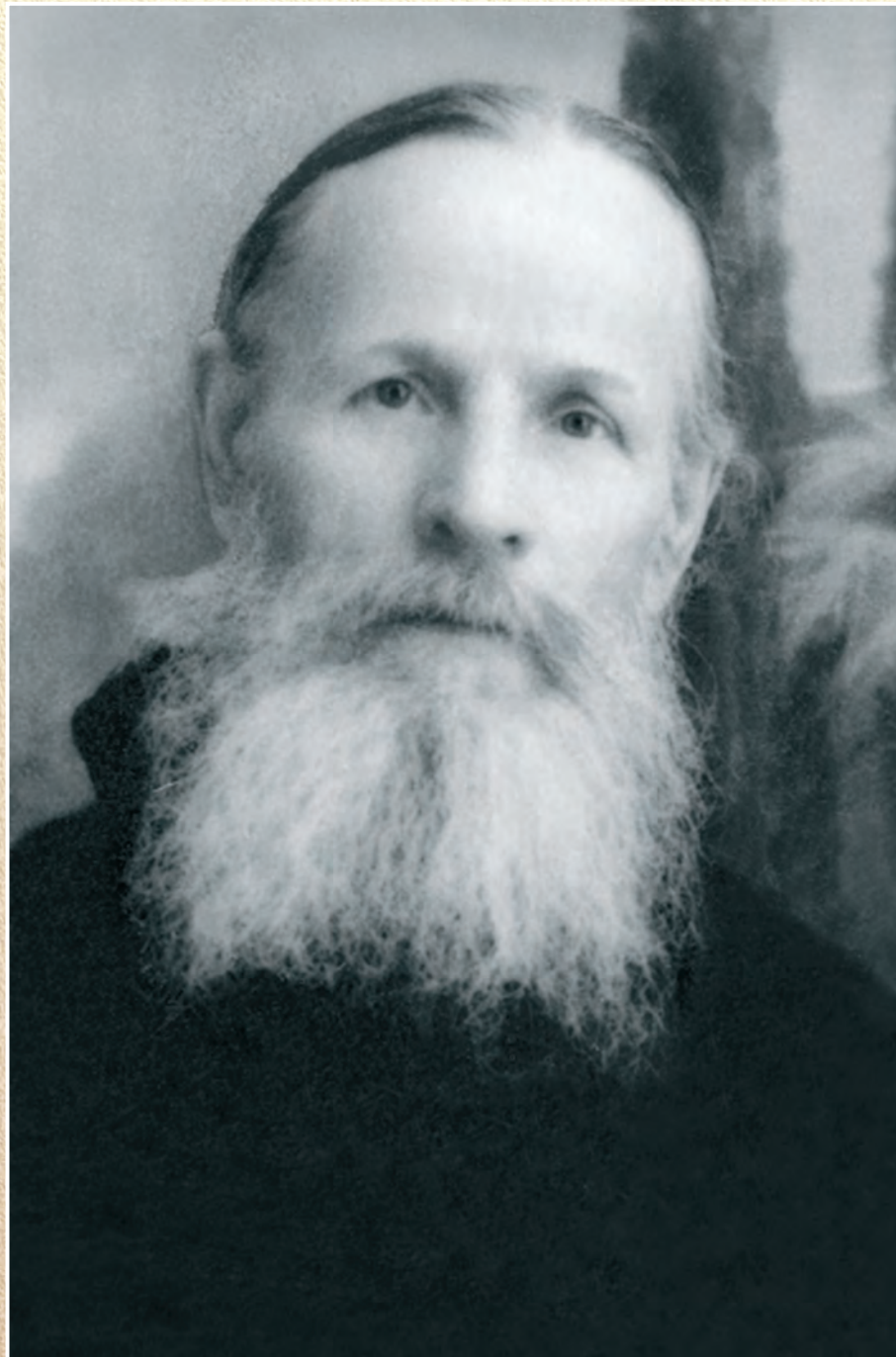
с книгами богослужбными и утварью, да и с продуктами. По улице ходили на расстоянии, друг за другом, делали вид, что не знакомы. Милиции на глаза нельзя попадать.

Владыка окормлял людей, которые боялись обновленчества и в церковь не шли. Они пережили расколы, гонения, в духовенстве не были уверены, боялись обмана, сектантства. Много было тайных монахов. После революции многие от официальной Церкви отошли. Хотя имели веру искреннюю и православную были преданы, но разобраться не могли в происходящем — время очень было сложное, люди не знали, куда податься. Нужно было этих людей для Церкви сохранить, не дать им отпасть, не оставить без церковных таинств.

Только приедем на место, усталые, не евши, а владыка — сразу на молитву. Вечерня, утренняя, часы. Лишь под утро чайку попьем. Ночами не спал, все молится, ходит, читает. Если днем только часа два поспит. Так по ночам молимся, а днем я облачения шью для монашеских постригов. Владыка учил, что если каждый день не вычитывать правило монашеское, то монахи не устоит. Он это всем постриженникам своим говорил, кто в миру жил. И вот представьте, все чада владыкины в миру, и профессора, и начальники, все это выполняли.

Как-то в День ангела владыки моя родственница Евфросиния, схимница, решила торт ему подарить. Во время правила в магазин побежала. Владыка на молитве спрашивает: «Где мать Евфросиния?» Закончили правило, тут матушка с тортом является: «Владыка, это Вам подарок». А он: «Чревоугодница». И ушел, к торту не притронулся.

Однажды поехали мы в Армавир к одной матушке. Время осеннее, холодное, одеты мы были очень легко, он в жакеточке, я в легкой кофточке. А поезд станцию проехал, через два часа после Армавира остановился. Вышли мы, ветер страшный, так и стояли на ветру. Пришел обратный поезд, народу много — люди по головам залезали, с детьми, с чемоданами. Не смотрели, старик или кто. Едва в поезд его протащила. И вот два часа он простоял, никто не уступил ему места. Приехали в Армавир в три часа ночи. Таксисты нас не берут — далеко ехать. За большие деньги один грузин согласился. С трудом добрались до дома, а забор там такой, что никто нас не слышит. Стоим на холоде. Там молодая матушка жила — пришла с ра-

боты, дом не топила, сразу уснула. Владыка помог мне через забор перебраться. Еле через ставни достучалась. В дом вошли, владыка промерзший — но сразу на молитву. До рассвета молились, и оба заболели. Чуть вздремнули — уже снова поднимает на молитву...

Помню, как лежу с воспалением легких. Температура сорок. На правило встать никаких сил нет, а владыка: «Антония, я с палкой иду». Я в слезы, думаю: «Мама бы пожалела, а он не жалеет». Трудно, а главное — обидно... Но что делать — поднимаешься. Посадили меня, закутали, и я так «отстояла» всю службу. А потом он несет и мандарины, и апельсины, и чай. Говорит: «Для чего я тебе это устроил? Чтобы ты в любом состоянии поднимала себя на молитву».

На всю жизнь это отпечталось. И как я владыке за это благодарна. Вот и теперь, как заболею, говорю себе: «Владыка с палкой идет».

Бывало, приедем с ним из дальней поездки мокрые, усталые, замерзшие, ничего не стоговлено, не натоплено, а он, только дверь откроет, — бегом на правило. Не даст даже сесть передохнуть. Владыка говорил: «Я военным был, не люблю медлительных, люблю, чтоб всё бегом, быстро. Монашество — это ангелы. Они должны летать». Так и с молитвой. Только в дом зайдём, он уже: «Молитвами святых отец наших...» Про себя ропщешь: «Ой, хоть бы посидеть (а сидеть не давал), хотя бы чаю выпить, все во рту пересохло...» А он: «Знаешь, за нами сколько бесов летело, надо молитвой их отогнать».

Как-то служил владыка в Донецке. Народу много собралось. Мне долго стоять с больными ногами трудно. Переминаюсь с ноги на ногу. А он со своими ногами, которые все в ранах, не пошевеливается. Вдруг оборачивается в мою сторону и говорит: «Антония, возьми себя в руки, нечего танцевать». А у самого после лагеря большие раны на ногах были, открытые, вены закупорены, ноги черные, помороженные.

Другой раз на Донбассе был случай. Тоже ночью стучим у забора, дом далеко, никто не слышит. Зима, ветер страшный. Пришлось лезть через забор. А там сухая акация. Я за акацию схватилась, и все колючки мне в руки... Собака на меня бросилась... Стучим в дом — хозяйка не открывает, думает, воры. Открыла наконец, в дом зашли, а у меня кровь с рук ручьями течет...

На стр. 32: Владыка Антоний в последние годы жизни

Один раз ехали в поезде, владыка пошел в туалет. Вижу, к туалету два милиционера подошли. «Ну, — думаю, — за владыкой». Заволновалась, к ним подбежала, чтобы отвлечь как-нибудь. Они выпившие были, один стал дверь приоткрывать, я и сунула палец в щель, где петли, — хоть чем-то их напугать. От боли вскрикнула — кровь брызнула... Они испугались, поскорей ушли. А у меня ни платочка, ничего нет. Тут владыка выходит. Я уже и про палец забыла, рада, что владыку не забрали.

Однажды в Великий пост едем домой, сошли с поезда, владыка по обыкновению сзади идет. И вдруг милиция меня останавливает: «Идемте с нами». Я к этому всегда готова была. В отделении выложили все — я везла и чаши, и ризы, и книги богослужебные. Там, куда ездили, книг же не было — с собой все возили. А я все за владыку волновалась, думала, его тоже забрали, только держат отдельно. Всё переписали, кто я такая. Один заходит, смотрит на меня: «Ох какая роскошная, мужика бы ей хорошего. И чем она занимается!»

Продержали меня следователи с пяти часов до двенадцати ночи. Вышла из участка. Слякоть, гололедица. На станцию Буча приехала в три часа ночи, а мне еще два километра идти лесом. За владыку переживала: забрали его или нет, что с ним. Какой-то мужчина встретился: «Бедная, как же ты нагрузилась». Я его не испугалась. Положилась на волю Божию. Он вещи взял, до дома довел, до самой калитки.

После поездок возвращались домой измученные, а тут новая работа скопилась — мама моя больная была, ничего не могла делать. Принимаюсь за хозяйство. А к владыке народ едет, по пятьдесят человек приезжало. В хрущевские времена храмы снова стали закрывать. Исповедаться, причаститься иногда негде было, не хватало ни церквей, ни священников. Пастырского слова не слышно было. Власти преследовали верующих, которые собирались для службы по домам. Жили под страхом, от милиции прятались, я все боялась, что владыку заберут. Бывало, после работы задержусь где-нибудь, владыка меня встречает словами: «Я пять акафистов прочитал, чтобы Господь тебя сохранил».

Или, бывало, с работы прибегу: «Владыка, Вам одному не скучно?» А он: «Что такое скучно? Как может быть скучно? У меня друзей сколько: святитель Николай, другие святые. Я тому акафист прочитаю, тому прочитаю — побеседую с ними. Не знаю, что такое скучно». Без конца читал и молился. У него ду-

ховные друзья были на Небе. Очень акафисты любил. «Добротолюбие» всегда раскрытое на столе лежало.

Литургию у нас дома владыка почти каждый день служил. Иногда из местных несколько человек приходили, иногда и никого не было — мы вдвоем. Но иногда по 40–50 человек собиралось. Приезжали и те, кто в лагере с ним сидел, матушки из заключения приезжали. Случайных людей мы не принимали, только своих или по рекомендации. А я как бы посредником была между владыкой и приезжавшими. Он часто говорил: «Матушка, займись сама с ними. Они тебе больше расскажут». Привозили много исповедей, огромное количество записок на поминовение, особенно за усопших, — люди ведь в церковь не могли ходить.

У нас старались по ночам собираться. Они исповедуются, а я на кухне. Сначала надо все закупить, принести, приготовить, потом гости уедут — мне белье стирать. Для службы я все сама готовила, просфоры тоже сама пекла. Заболеешь, все одно — спуска нет. У меня температура сорок, лежу, головы поднять не могу, а владыка: «Вставай на молитву». Очень строгий был. Это я всех вас жалею, а владыка всегда очень строг был. Начнет длинную проповедь говорить, а присесть нельзя. Так я уж с ноги на ногу переминаюсь. А он строго скажет: «Ты что, Антония, танцуешь? Потерпеть не можешь?»

А когда сам сильно болел, то лечил себя литургией — еще больше молился. Температура высокая, еле стоит, за престол держится, но служит. Вот так побеждал себя. Бывало, весь огнем горит, но никогда не измерял ни температуру, ни давление. «Зачем давление проверять? Успокоился человек, и давление упало», — так он говорил. Потом к нам приехала врач-гомеопат, старушка Нина Алексеевна, дочь протоиерея, в Москве жила на Колхозной площади. Владыке она раны вылечила. А мне владыка валенки «прописал»: «Будешь два года в валенках ходить». У меня кровь до ступней не доходила, они как лед были. Как еще гангрены не получилось. Вот я два года, и зимой и летом, в валенках проходила. Так и ездила всюду.

Владыка вел путем послушания. «Монахи, — говорил он, — это ангелы, что сказали тебе — лети и делай, без лишних раздумий». Был такой случай. Мы жили тогда в поселке Буча под Киевом, однажды пришла я с работы уставшая, измученная, а владыка говорит: «Антония, поезжай скорее в Киев, посиди там на вокзале». Мне и в голову не пришло спросить, зачем на

ночь глядя в Киев ехать, зачем на вокзале сидеть. Пошла, беру билет на поезд, приезжаю в Киев. Сажусь на вокзале. И вдруг ко мне подбегает знакомая матушка, монахиня старенькая: «Я поехала к владыке, а адрес забыла; сижу тут с утра на вокзале и плачу: “Владыченька, владыченька, что же мне делать?”» Приезжаем с ней домой, владыка смеется: «Ну, встретила? А то она с утра плачет: “Владыченька, владыченька, что же мне делать?”»

Все восемнадцать лет, что я провела с владыкой, я работала — то вышивальщицей, то в поликлинике, одно время была в семье у профессора домработницей. Наготовлю им, настираю, они меня отпустят на несколько дней — и мы едем с владыкой к кому-нибудь из чад. Так и жили — домашним монастырем, как отец Кукша предсказал. И все время люди, люди. Столько людей приезжало, что иногда подумаешь: куда бы убежать, чтобы никого-никого не видеть. Трудно монашескую жизнь в миру вести.

В 1966 году у моей мамы случился обширный инфаркт, и через год она умерла. Незадолго до смерти в день архангела Гавриила владыка постриг ее в иночество с именем Гавриила. Часто исповедовал. Меня она просила: «Надень на меня апостольник, хоть последние дни, да в апостольнике побуду». Сильно монашество полюбила. Она очень добрая была. Всегда посылки бедным посылала. Жили мы очень бедно, домик был плохонький. Но после инфаркта мама вычитала, что нужно десятую часть заработка отдавать, и она всегда откладывала, а потом мы знакомым матушкам продукты покупали и носили им. За десять дней до смерти явился ей во сне юноша, весь в ризах, крестах, это был архистратиг Гавриил. Он говорит: «Через десять дней тебя заберу». И она считала. На десятый день умерла. Было ей 62 года.

Отец мой уже после кончины владыки заболел раком. Он был человек партийный, в прошлом председатель колхоза, но очень добрым был. Три войны прошел. Так вот, за месяц до смерти он тоже постриг принял, в иночество. Постригал его игумен Михаил (Лаптев), владыкин постриженник, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, а отца Сергеем звали. Папа до конца в полном сознании был, так Господь его и взял.

На стр. 37: Владыка Антоний. 1970-е гг.

В 1970 году в Армавире я получила от владыки благословение на игуменство, он меня иконкой «Игуменьи Горы Афонской» благословил*. А в 1973 году постриг меня в схиму.

В немощах пренемогать

После смерти владыки Господь так устроил, что я десять лет в полузатворе провела. Жила одна. Только на работу выходила. Половину дома отдала племяннице с мужем. Себе сделала отдельный вход. Я так молилась, чтобы владыка меня к себе забрал, а вот видите, почти четверть века после него живу.

После владыки я сначала без работы оказалась. До пенсии семь лет, не знала, что и делать. Начала молиться усердно, вскоре встретила женщину, с которой раньше работала, — Галину, тайную монахиню, она меня на вышивальную фабрику устроила, там до пенсии и доработала. В доме удобств никаких не было. С работы придешь — сразу печку топить, воду таскать, готовить, белье стирать. На мне еще осталась матушка Евфросиния, с которой мы когда-то из Сибири в Киев поехали. За ней тоже уход требовался. Она тяжелая была. Чтобы ее перенести, я ставила в ряд несколько стульев и со стула на стул перетаскивала. Она большая молитвенница была. Любила долго молиться.

Трудно совмещать мирскую жизнь с монашеством. Если монах не будет вычитывать каждый день монашеское правило, то есть весь суточный круг богослужебный плюс келейное правило, то не устоит — не выдержит монашеской жизни. И я это правило выполняла. Не меньше пяти часов в день на это уходило. Сейчас-то проще — службы в церкви каждый день идут.

* Благословение владыки так и не завершилось каноническим актом возведения схимонахини Антонии в сан игумении. Неофициально допускалось келейное ношение наперсного креста, среди сестер общины допускалось келейное обращение к матушке, как к схимигумении. Однако официально матушка всегда оставалась схимонахиней.

На стр. 39: Схимонахиня Антония: «Похоронила владыку». 1976 г.

С наперсными крестами: слева архимандрит Иннокентий (Просвирнин), справа игумен Мисаил (Томин), ныне схиархимандрит Серафим

Четвертая справа схимонахиня Антония (Сухих)

Но наступает такое время, что если не выполнять молитвенного правила, то никто не устоит, какого бы он сана духовного ни был. Владыка всем завещал «наламывать язык и сердце на молитву Иисусову».

А келейное правило у нас такое было: триста Иисусовых молитв, триста Матери Божией, пятьдесят архангелам Михаилу и Гавриилу и пятьдесят своему ангелу.

Нам-то в наших условиях благодатную сердечную молитву обрести трудно. Нам необходимо все время как бы за ризу Господню держаться — не упускать Его имя. Забыли, отвлеклись — сразу же опять схватиться, опять читать молитву.

Понуждение нужно постоянное. И так постепенно приучимся, начнем уже страшиться: только бы не потерять молитву, только бы снова не отойти от Господа. И вот я всем повторяю: «Живите одним днем. Вперед не загадывайте, о лишнем

Беседы с сестрами

не рассуждайте». Иногда вижу: идет человек, сам с собой разговаривает — до того он погружен в свои помыслы, в свои дела житейские. Какая уж там молитва!..

Нельзя к земле прилепляться, ничего мы отсюда с собой не возьмем. Вот бизнесмены сейчас процветают, но они цветут, потому что всё их — тут. А мы должны на земле поскорбеть. И к миру мы должны так относиться, чтоб ни за что никогда не променять Господа на людей. За всю жизнь я ни к кому сильной привязанности не имела. Хотя и владыка у меня был и я любила его, как отца, но чтобы все сердце отдать или тосковать, такого не было. А когда сердце свободно от привязанности к людям, тогда на молитве легко, молишься тогда свободно.

Мне довелось пройти путь строгого послушания. Вот и вас я учу: когда вам говорят что-нибудь сделать, а вы чувствуете дух противления, хотя бы чуть-чуть, значит, вы еще «больны». Никакого сопротивления не должно быть. Сказали вам, что

надо в себе это чувство. Так постепенно отшлифуются внутренний человек. Нам земная жизнь дана, чтобы этой жизнью ту жизнь заработать. А что нужно для спасения? Смирение. Оно все побеждает. Перед ним враг бессилён. Когда святые этого достигали, для них не важно было, хвалят ли их, ругают ли. А мы такие плотские, такие самолюбивые. Если нам что-то сказали, как-то посмотрели не так, на другого больше внимания обратили, мы уж так задеваемся, так волнуемся. Конечно, всех людей любить мы пока не можем, особенно тех, которые на нас нападают, наносят нам оскорбления. Мы только терпеть можем, а любить — это ведь выше всего.

Слева: 2009 г. Внизу: 2008 г.

сделать, — и вы сразу, как ангелы, полетели. Сказали — не задумываясь беги исполнять.

Смысл жизни человеческой — в непрерывной работе над собой. Кто бы тебя ни обижал, кто бы что ни говорил тебе, ты считай: «Господь попустил, значит, так оно и надо». Тебя оскорбили, унизили, — а ты все это принимай с радостью, с терпением, как из руки Божией. Когда начнете в себе это воспитывать, то легко будет. И уныния не будет. Настанет радость.

Злоба вселяется в человека под действием демонской силы, и нам надо стараться жить так, чтобы бесу не было доступа внутрь нас. А достигается это только смирением. Напали на вас словами, обвинениями — вы смиряйтесь. Вырабатывать

Наука из наук — победить самого себя, свою гордость. Ведь смирение может быть ложным. На вид как будто смирен. А когда тебя глубже заденут, ты не выдержишь. Или внешне молчишь, а внутри на кого-то обиду, гнев носишь. Это смирение ложное. Сам человек смирения не приобретет. Надо просить Господа. Сам человек ничего не может сделать. Вот Господь и попускает нам скорби и трудности, чтобы мы всегда просили Его помощи. И в болезни, и в искушении, и в несчастьи.

Рассудительность во всем нужна. Например, в наше время поститься со всей строгостью сложно. Если мы возьмем на себя особый пост, то он будет раздражать врага. А зачем вызывать его на брань, когда ты не сможешь с ним бороться? Это могли делать подвижники. Сейчас век не усиленного внешнего поста, а век болезней и терпения. Пост не приближает человека к Богу и не удаляет. Пост не для Бога — для нас самих нужен. Но если возьмем на себя чрезмерный пост, то мы его просто не осилим. Наше делание — внутреннее. И пост нам нужен внутренний, чтобы поломать себя: стать кроткими,

ком дается обещание «в немощах пренемогать», вот так и надо пренемогать себя: все болит, а ты все равно иди на молитву. Встать не можешь, уже, кажется, умираешь, а все равно — пересиливай себя и вставай. А главное — внутренне себя превозмогать. Наша гордость — как зверь какой. Чуть его задели, он готов выскочить и всех растерзать. А ты его назад заталкивай. Обидели тебя, злишься на кого-нибудь, хочется все ему высказать, а ты скажи сам себе: «Сиди там, не вылазь!» — и вместо грубости, наоборот, говори с человеком ласково, приветливо. Побеждай себя, и постепенно привыкнешь. Так стяжается смирение. Это и есть бескровное мученичество. Святые мученики страшно страдали, но кратко. А тут бескровная мука, но не на год, не на два, а на всю жизнь.

смирненными, терпеливыми. Если Господь попускает скорби, со смирением надо принять. Если Господом попущено, значит, принять как из Божьей руки и все терпеть. Настоящий пост — это когда человек терпеливо, без обиды несет все огорчения и нападения, считая, что он заслужил их. За что? За прошедшую жизнь, за молодость легкомысленную. За это мы должны очиститься здесь, чтобы там, на мытарствах, не было совсем худо.

В нас Дух Божий не живет потому, что у нас нет смирения. Мы то сердимся, то осуждаем, то ропщем. И получается, что дух в нас бесовский. И он нам покоя не дает, мучает нас то болезнями, то томлением духа. Но как при постриге монашес-

А уж если попустит Господь сильные страдания или настоящие гонения придут, то нужно представить, что ты идешь на крест. Если придет такое время, то не устрашитесь, идите как на крест, смело, с открытой грудью, не сомневаясь, ни о чем не жалея, с радостью принимая его. Тогда сила Божия осенит и укрепит, и вы устоите. А если мысленно попятитесь от креста, если в мыслях раздвоитесь, поколеблесь, испугаетесь за себя или за родных, то в это время демонская сила вмешается, благодать отойдет и уже не устоять в страданиях. Осознать надо, что пришел тот час, когда тебе нужно оправдать свою ве-

Сострадая чужой скорби

ру, свою верность Господу. Иди, как шли святые мученики. Господь укреплял их. Просите у Бога помощи. За детей, за родных не бойтесь — нашими страданиями мы им поможем, и Господь их помилует.

Страданиями новомучеников и исповедников времен революции и коммунистических гонений на десятки лет отодвинуты страдания других людей. Их жертва освободила нас на время от внешних страданий, они как бы взяли их на себя. Господь щадит нас за пролитую ими кровь. Христианам теперь даны лишь внутренние скорби. От этих скорбей, от всех наших болезней одно лекарство — бороться себя. Поборешь себя, поднимешься на молитву, и Господь даст тебе сил, даст крепость. А пожалеешь себя — враг еще больше насядет, совсем уложит, так что и не встанешь.

хоть шестопсалмие, хоть дневной канончик. Нет времени на кафизму — так хоть одну «славу». Если несколько человек живет вместе, то можно распределить весь суточный круг: все по-немногу, а служба не будет оставлена, весь круг исполнен. Самое главное — не отступать. Разумно определить себе правило, хоть и более сокращенное, но исполнять его уже каждый день, несмотря ни на что.

Предаться Богу полностью, то есть на страдания пойти, на самом деле никто из нас не готов еще. Да и где нам страдать,

Если вновь суждены нам гонения и ссылки, то тогда для инока самое главное две вещи соблюсти. Первое — стараться все силы души направить на то, чтобы хранить чистоту телесную. Враг прежде всего старается ее отнять, чтоб лишить благодати Божией. Так, многие монахини вынесли тюрьму, а потом выпустили их на улицу — есть нечего, одеть нечего, жить негде. Это оказалось еще страшнее, в тюрьме хоть крыша над головой была. И этого уже некоторые не вынесли — повыходили замуж.

Но Господь не оставит монаха, который всего себя Богу посвятил. Должна быть крепкая вера — предавайте себя полностью Богу, а Господь не даст креста выше сил. Только храните телесную чистоту, тогда и душевную обрести можно и помощь Божию. Храните телесную чистоту до смерти.

Второе — это правило выполнять. Нет книг — по четкам. Нет четок — по суставам пальцев. Только молитесь. Удерживайте правило, и за работой всегда твердите молитву. Тогда Бог даст все трудности одолеть. На душе будет легко и радостно.

Обязательно читать утренние молитвы, часы, полунощницу — для монаха это как воздух. Нет времени на утреню — так

где подставить другую щеку, когда мы малейшей обиды не терпим. Где нам любить Бога, когда мы брата не терпим, а всё осуждаем, злимся, ревнуем. До преданности в волю Божию нам еще очень далеко. Нам хотя бы бороться с нечистотой души – злобой, завистью, обидами. Нам не страдать надо – не выдержим, а хотя бы заповедь исполнить: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*, и тогда *обрядете покой душам вашим* *. Пока не научимся от Бога кротости и смирению, покоя в душе быть не может. А если нет покоя, то нет близости к Богу. Такая душа не готова страдать.

* Мф. 11, 29.

Всегда проверяйте свое сердце, нет ли там обиды или гнева. Хорошо, когда их нет в сердце. Сердце тогда как чистая, светлая комната, в которой светит солнышко. Если заметили в себе обиду, гнев, значит, подпустили врага совсем близко. Сразу молитесь, плачьте, просите Божьей помощи.

Вот кто-то обижается, например, что с ним не разговаривают, но это и хорошо, что не разговаривают. Чем меньше разговоров, тем монаху лучше. А если человек строит кому-то козни — сам несчастным остается. Даже если просто появилась неприязнь к кому-либо, а человек не борется с этим — тоже себе вред причиняет.

Вред в том, что начинает в душе незаметно накапливаться уныние, тяжесть. Когда есть к кому-то неприязнь, то это от-

Мы все такие ранимые, чуть что не по-нашему — сразу раздражение. Не так посмотрели на нас, не так сказали... А ведь стоит разозлиться, обидеться — и все! Враг захватывает душу и хозяйничает в ней. Надо быть выше этого. Сколько бы ни ругали, сколько бы ни нападали — нас это не должно трогать, пусть как о камень все нападки разобьются. Это смиренному-дрию. Оно победит.

Было бы смирение, не надо и пощения.

Говорю вам: смиряйтесь и смиряйтесь. Сейчас сатана правит миром. А куда нам безоружным с дьяволом бороться, только смиряться. Как кошка играет с мышкой: то ударит ее, то коготок вонзит — и смотрит, что мышка будет делать, так и враг с нами. То болезни, то внутри все кипит. Начнешь бороться — враг совсем уложит. Поэтому надо только смиряться — потихонечку исправлять себя и молиться.

крытые двери для врага. Он в любое время приходит и хозяйничает в душе. Так что берегите себя, живите со всеми в мире. Как хорошо сказал апостол: *Любовь покрывает множество грехов**.

Ну а на болезни как же нам жаловаться? Как не стыдно! Все у нас есть, никто не гонит, послушания не тяжелые, ну чего еще надо? От нас требуется только немножечко потерпеть. Не бойтесь болезней. Тело много грешило. Теперь должно поболеть.

Не проси облегчения. Проси только терпения. Ведь мы потом еще жалеть будем, что мало пострадали. Терпи и виду не показывай. Будьте всегда бодрые, веселые, чтоб никто даже не догадывался о ваших страданиях.

В Евангелии от Иоанна в конце XVI главы сказано: *Мужайтесь: Я победил мир*. Мужайтесь — значит все терпите, не унывайте, смиряйтесь, крепитесь. Какие мы счастливые — имеем Отцом и Помощником Царя всего мира.

Бывает, нападает скорбь сильная или не то чтобы скорбь, а такая тяжесть внутренняя, что некоторые этого не выносят, ропщут, некоторые даже умом расстраиваются. Такая тяжесть бесовская. Бывает, что Господом такое попускается. Как будто взвалили на тебя страшный груз. А ты мысленно носи его ко Христу, ко Господу, Который распят на Кресте. И припади ко Кресту со своей тяжестью. Твоя тяжесть по сравнению с Его мучениями ничего не значит. А враг Креста боится. И будет облегчение.

Надо верить, любить Господа, и Он облегчит. Сверх силы Он ничего не даст. Кажется иногда — как трудно, вечером едва до койки доберешься, а утром проснешься — и силы опять есть.

Чем отличаются древние монахи от последних?

Первые монахи — это мученики. Они проливали кровь для утверждения христианства. Средние монахи — это затворники, святители, преподобные. У них подвиги.

А у последних ничего, изнемогли и ослабли душой и телом — два крыла поломанных. Осталось только *умудряться*. Как умудряться? А разве не мудрость — жить среди падшего

мира, среди пьяниц, развратников и соблазнов, но умудриться и их не обидеть, и себя сохранить?

Самое страшное наказание людям — это когда Господь отвернется и не дает Своей помощи, не дает познавать Себя. Тогда звериное общество получается. И это мы уже вокруг себя видим.

Беседовали с матушкой Антонией Николай и Галина Новиковы. 1999 г.

*1 Пет. 4, 8. Ср.: Притч. 10, 12.

Матушка Антония в келье у отца Кирилла (Павлова)

Письмо матушки Антонии архимандриту Кириллу (Павлову)

Дорогой, милый Батюшка!

Отче Кирилле! Пишет Вам матушка Антония. Пишу в машине. Светлое, прошедшее о Вас всегда в моем сердце. Верю в Ваше большое любящее сердце, готовое каждого принять, обласкать. Маленькую частичку сердца оставьте для моего недостойства.

Мне нужен маленький уголок согреться, успокоиться и не свернуть с указанного пути, без страха с сестрами пройти назначенный Господом путь. Помогите, не оставляйте в Ваших святых молитвах.

Искушений много, соблазнов уйма. Скорбь, крик души, даже отчаяние бывает.

О Господи, помоги!

С нижайшим поклончиком
схиигумения Антония.

14.10.1998 г.

Ответ отца Кирилла

Дорогая матушка Антония!

Вспоминаю теплое, радостное прошлое, и дай, Господи, нам теперь настоящее время тяжелое, смутное как-то разумно прожить, не оставлять Господа. Я спасаюсь и утешаюсь только Святым Евангелием, Словом Божиим. Оно меня согревает и утешает, иначе можно сойти с правильного пути. Впереди нас ждут еще большие испытания.

Помоги Вам, дорогая матушка, управлять монастырским кораблем, чтобы Вам переплыть пучину и пристать к тихому берегу.

С любовью

А. Кирилл

Молитвенный труд

Иосифо-Волоцкий монастырь Московской епархии

Молитвенный труд

*Из воспоминаний сестер,
духовных чад матушки Антонии**

Как только мы собрались вокруг матушки Антонии, вспоминают первые сестры Иосифо-Волоцкой общины, так она начала вводить свой распорядок, которого сама всегда держалась. Основа — богослужбный суточный круг. Это школа ее наставников, их принцип: какой бы высокой жизни монах ни был, без суточного круга — не устоит.

Подъем в четыре утра, три земных поклона и бегом на общее келейное правило. Полунощница, молебен в храме, часы, литургия или обедница. Вечерняя служба в храме, потом келейно вместе молитвы на сон грядущим. Личное правило: Евангелие, Псалтирь, акафисты — по-разному, кому что. И так неизменно, неотступно, ежедневно, годами.

Отец Иннокентий (Просвирнин), который привез матушку с Украины, служил тогда в нашем монастыре. Он ввел в распорядок утренний сестринский молебен, который совершался неотступно. После молебна, там же в храме, каждый по очереди читал вслух по 12 молитв Иисусовых с поклонами. Позже установился чин молебна у мощей прп. Иосифа Волоцкого, определенный владыкой Питиримом. Здесь владыка часто произносил от себя молитвы на потребу дня, испрашивая благословения Божия на разные текущие дела. С 1998 года начали читать неусыпаемую Псалтирь.

Большая заслуга матушки в том, что она сумела с твердостью установить в обители полноценную молитвенную жизнь — *поставила*, как говорят, молитву. А это было не так просто. Монастырские отцы — несколько иеромонахов, которые проживали в обители, — поначалу сопротивлялись. Для них глав-

* Составлено на основе рассказов сестер из монашеской общины Иосифо-Волоцкого мон-ря. 1997–2003. Архив составителя.

Иосифо-Волоцкий монастырь. Самое начало. Рядом с матушкой игумен Сергей (Акинников), постриженник владыки Антония

ное было — хозяйственные дела, а в нас они хотели видеть прежде всего рабочую силу. Матушке изрядно препятствовали. «Рабочая лошадь должна быть сильной», — так нам говорили. И очень большое недовольство было нашим ранним подъемом. И ругали нас, и запрещали нам... Одно время был даже издан приказ — сестрам-поварам в дни дежурства запрещалось показываться на службе. Приходилось в храм бегать потихоньку. Отцы сердились, прогоняли со службы, с клироса гнали.

А у матушки была своя строгость — попробуй проспи правило. Трудно ей было. Но со временем молитва стала на пер-

*Владыка Питирим на монастырском скотном дворе.
В центре матушка Антония*

вом месте и никак не в ущерб послушаниям. А сначала была борьба. Если бы не матушкина твердость, решимость, то молитву так и упразднили бы. А нас и в самом деле превратили бы в рабочую силу. Владыка Питирим однажды особо благодарил матушку за то, что она наладила и удержала молитвенную жизнь в обители, сумела отвоевать свой распорядок, несмотря на противление.

Матушка говорила: «Что же это, когда все силы на хозяйство уходят? Когда же молиться-то? Немного потрудишься и хватит — иди молись. Не умеешь ты работать, если много работаешь. Нужно немного поработать и помолиться побольше. Для монаха молитва — главный труд, а работы — это как развлечение». Матушка твердила: нельзя оставлять молитву. Каким бы саном, какой бы властью ни обладал человек, если молитву оставит — не устоит. «Вы воины Христовы, как вы можете

спать?» Для монаха, говорила матушка, полунощница, часы и обедница — это как крылья для птицы.

Мы даже в кухне, как на смену заступим, за работой вычитывали и часы, и обедницу. Когда случалось кому-то полунощницу проспять, матушка говорила: «Что Ангел за сегодняшний день запишет? Одно саможаление. А монах должен нудить себя. Да и что толку правило пропустить? Ну, плохо себя чувствуешь, ну, поспишь побольше — а все равно немощь, плохое самочувствие останется. Потому что, если монах жалеет себя: вот я такой больной, вот у меня сил нет, ох, не могу, — тогда благодать отступает. Если же преодолеешь себя, то благодать в помощь дается и укрепляет. Ведь если монах не будет правило выполнять, то Господь все равно с него взыщет — болезнями. Чем болеть, так уж лучше молиться».

Это матушкина наука: от всех недугов одно лекарство — «бороть себя».

Владыка Питирим совершает первые постриги

Сама матушка десятки лет ни на один день не прерывала богослужебный круг. Любила она акафисты. По шесть—девять акафистов в день прочитывала. И нас она учила твердости в распорядке. С радостью про нас говорила: «А мои сестры правило любят!»

Молодежь нашу, семнадцатилетних, матушка на молитву поднимала в четыре часа наравне со всеми, хотя девочкам зимой на дойку в коровник идти в шесть утра надо. А летом на дойку к четырем уходили и на утреннее правило не попадали. Сестры беспокоились, спрашивали у матушки: «Как же быть, молитву пропускаем?» Она говорила: «Ничего. Мы молимся — на вас распространяется». На скотном, конечно, особое послушание, но обычно взрослым никаких послаблений и снисхождений не было. Сутки не спать — а молитву не оставлять. Такой принцип. Это школа владыки Антония. «Никогда уроки его не забуду», — говорила матушка.

Иногда матушка заболела тяжело. Раз Великим постом было у нее воспаление легких, температура высокая, лежит,

сама читать не может. Тогда она нас зовет, всю службу ей вычитываем. При этом садилась. Говоришь: матушка, лежите! Нет, сядет и обязательно ноги с постели спустит. Лежала только в крайних случаях, а так боролась с собой.

Другой случай, у матушки снова пневмония. Попросила вычитать ей службу, а сама легла, в одеяло закуталась — такой озноб сильный. Потом говорит: «Что же делать? Владыка велел никогда на молитве не лежать... Но и встать не могу... Ладно, полежу немного — потом встану». Не прошло и десяти минут, как матушка забеспокоилась: «Одевайте скорее, вставать буду. А то владыка с палкой идет». И пересилила себя — не только не лежала, но и сидела мало. К концу службы ей заметно лучше стало. Говорит: «Переборола себя, а тогда и бес испугался и убежал».

Еще до встречи с нами, на Украине, с матушкой такая история случилась. После кончины владыки она одна жила. Однажды встала на правило, облачилась в монашеское, разложи-

Владыка Питирим с сестричеством после первых постригов

После службы. 1990-е годы

ла книги богослужебные, и тут вдруг — ее парализовало. Все тело сковало. Лежит на полу без движения, боль невыносимая. Что делать? Лежала, лежала, а правило-то исполнять надо... Книги рядом, она дотянулась и начала читать. «Только молитвы начну читать, — вспоминала матушка, — боль немного отходит, остановлюсь — опять боль нестерпимая».

Так больше трех дней прошло. Немножко отдохнет — утреню прочитает, отдохнет — полунощницу прочитает. Весь суточный круг проходила. Без еды, без питья лежала. Потом

вдруг к ней соседка зашла. Хотя матушка в то время почти ни с кем не общалась, но тут даже соседи забеспокоились: где она, куда пропала. Соседка положила ее на кровать, побежала, приготовила бульон куриный – больную выхаживать. А матушка говорит: «Простите, никак не могу куриный бульон». Соседка в недоумении, никто не знал, что матушка монахиня и что мясного не ест, постриг келейный был, тайный. Ну а потом вызвали сестру Галину, и потихоньку уже матушка поправилась.

Четвертый день после пострига. Первая литургия после открытия храма в селе Белая Колвь. 31 августа 1997 г.

Случалось, и здесь, в монастыре, ноги у матушки отнимались. Раз пять так было. Приходилось на постели ее переворачивать, но все правило она вычитывала. А как начинала ходить, то — к нам на огород. Пыталась трудиться, травку дергать. Со временем с ногами совсем плохо стало и помогать нам она уже не могла. Тогда мы ей стульчик на огороде ставили — сами работаем, а она нам Псалтирь вслух читает. Молитва ее нас согревала. Потом ноги совсем отказали. Ходить она перестала, но молитвенно весь день с нами бывала. Это всегда сердцем чувствовалось.

Матушка передала нам завет своих наставников: «наламывать язык и сердце на молитву Иисусову». Отец Иннокентий

ввел у нас на послушаниях общее пение Иисусовой молитвы и особый напев дал. Когда сидели картошку чистили или посуду мыли, то напевали хором молитвенно. И сейчас уже в Курске, бывает, запоем.

Когда начали неусыпаемую Псалтирь читать, то так трепетно к этому послушанию относились! Казалось, что прерваться ни на секунду нельзя — неусыпаемая же. Читали по очереди по часу. Бывало, что час закончится, а смена не приходит. Еще полчаса читаешь. Нет никого. Второй час прошел... Нужда так подступает, что уже на одной ноге стоишь. Но даже мысли не

Внизу: В коровнике

Справа: Матушка печет просфоры

появляется прерваться и отбежать на минутку. Или хотя бы позвать на подмену кого-то. Пот льется, слезы на глазах... Помнится, однажды через три часа только смена пришла.

Матушка нас учила, что самое сильное средство против уныния — это благодарить Господа: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» В этом проявляется наше смирение. Враг ведь не всегда и не всякого креста боится, крест кресту — рознь. Когда крестное знамение совершаешь, нужно Веру иметь с большой буквы. А вот «слава Тебе, Боже!» — это само смирение. Тебе плохо, а ты благодаришь Господа — не ропщешь. Смирение это то, чему враг противиться не может и отступает. Ма-

На клиросе Успенского собора Иосифо-Волоцкого монастыря

тушка говорила: хотя бы одними устами шепчи потихоньку «слава Тебе...». И уныние отступит, придет покой, тишина — Господь даст.

Так же наставлял и владыка Питирим, он благодарение Богу всегда ставил на первое место, побуждал постоянно изыскивать повод для молитвенной благодарности. А повод, на самом деле, всегда есть.

Самое страшное, говорила матушка, это ропот. Если уныние нападало, то матушка всегда поддерживала, но когда в ропот кого заносило, то она начинала нещадно отчитывать: «Что? Нет благодарения Богу?!» Придешь к матушке пожаловаться на что-нибудь, а она: «Нет благодарности! Господь попускает — благодари! Какую жизнь-то прожили? Как хотите очиститься, чтоб в Царство Небесное войти?»

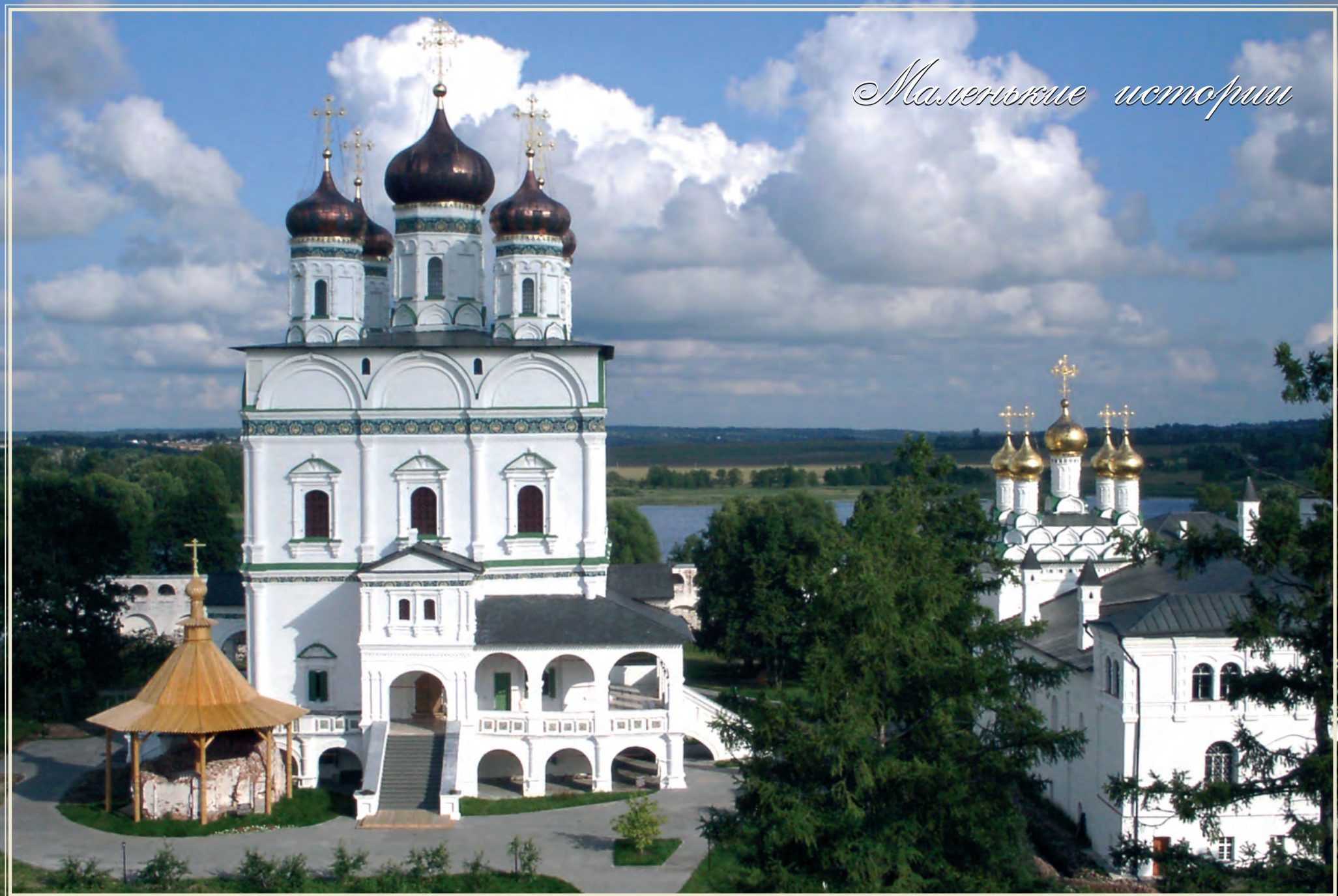
Матушка старалась заложить в нас основу молитвенной жизни. Приходилось иногда далеко к родным отъезжать, так матушка велит полное облачение с собой брать. Там, где бы ни был, вставать обязательно утром по чину, облачаться и правило держать. Вообще, матушка большое значение придавала тому, чтобы на келейную молитву в монашеское облачаться. Если утром на правило в платке придешь, она платок с тебя стянет и свой апостольник наденет, скажет: «Ты что перед Божией Матерью стоишь в платочке? Тебе Матерь Божия апостольник дала, а ты небрежешь».

Всю жизнь матушка пела на клиросе, и нам она помогла понять, что клиросное послушание учит смирению и правильному отношению к молитве. Клирос служит Богу и людям. Поющие не имеют права на самоуслаждение в пении. Мелодия увлекает, но для матушки главным на клиросе была — молитва. Внимание у нее само держалось в молитве и не отвлекалось.

Конечно, на любом послушании можно учиться работать над своей душой, потому что от христианина во всем требуется служение на совесть, жертвенное служение. А если честно на себя смотреть, то видишь, как наши способности ничтожны. Но в то же время — ты ведь монах, ты в послушании и должен по совести все сделать, что поручено. И тогда произвольно из души вырывается: «Господи, помоги! Господи, Сам все устрой! Ты же видишь, сам-то я что могу?»

Когда рождается такой настрой, то это уже молитва. И это смирение. И идет помощь Божия. Такое молитвенное состояние может стать постоянной памятью о Господе, постоянным предстоянием пред Ним. А если так доверяемся Богу, так вручаем себя Ему, то тогда уже в самом деле «весь живот свой Христу Богу предаем».

Маленькие истории

Иосифо-Волоцкий монастырь Московской епархии

Маленькие истории

*Из жизни сестер Иосифо-Волоцкой общины**

Начальная школа

Как нам рассказывала матушка Антония, с самой юности ее родственница схимница Евфросиния старалась привить ей молитву, приучала к постоянному правилу. Сама мать Евфросиния прошла тюрьмы и всю жизнь хранила сугубую верность монашеству — преданность Господу и верность правилу молитвенному. Матушку она воспитывала сурово. Поднимала каждую полночь на полунощницу. Спать почти не давала. Заставляла молиться и молиться. Такая начальная школа была у матушки.

Дочки

Когда после кончины владыки матушка прожила десять лет одна, то стала томиться от одиночества. И молится: «Матерь Божия, пошли мне хотя бы двоих». И вот, одна знакомая из Киевской Лавры приводит ей своих подруг, хотят с матушкой жить. Приходят они — две тетеньки: накрашенные, «химия», декольте, мини-юбки. Матушка смотрит и вздыхает: «Матерь Божия, неужели Ты мне таких дочек привела?..»

Взялась за них потихонечку. Теперь, спустя более двадцати лет, обе в монастыре — одна из них схимница, другая монахиня.

Венцы

Когда вначале нас было только четыре сестры у матушки, вся работа в Иосифо-Волоцком была на нас: и кухня, и стирка, и коровник, и огород, и службы. Всё на нас. Тяжело было.

* Составлено на основе рассказов сестер из монашеской общины Иосифо-Волоцкого мон-ря. 1997–2012. Архив составителя.

Однажды целый день ворошили сено на жаре. Кое-как отмаялись на службе, уже представляем, как сейчас в койку рухнем. Тут матушка говорит: «Сестры, а знаете что? Нам надо сейчас огурцы посадить». — «Как огурцы? Зачем сейчас? Завтра же день свободный — завтра посадим». — «Нет, завтра не сможем. Надо как раз сейчас. Пошли скорее». Вот мы идем. Одеты мы тогда были еще в короткие юбочки, кофточки легкие. А матушка в рясе, улыбается, через рясу ее комары укусить не могут. А мы уже все в волдырях. «Матушка! Может, все-таки завтра?» — «Нет, сегодня. Рассада гибнет». Одна не выдержала: «Знаете что, я больше не могу». — «А тебя не заставляет никто. Иди, иди спи. Ты усталая, больная, бедная, иди спи». Наутро матушка всем объявляет: все могут отдыхать, у всех день свободный. «Матушка, как же так, зачем же вчера на ночь при ко-

марах огурцы сажали? Можно ведь сегодня было». — «Как вы не понимаете? Я же вам венцов хотела».

Доживем ли до старости

Келейница помогает матушке одеваться. Видит, как тяжело она дышит, поворачивается с трудом, наклониться не может. Смотрит сестра и думает про себя: «Господи, как это тяжело в старости. Как не хочется старой быть». А матушка тут и говорит, даже не обернувшись: «А доживем ли мы еще до старости-то?»

Наставления матушки

Матушка в основном молчит. Спросишь ее о чем-нибудь духовном, а она: «Да вы сами умные, книжки читаете». Редко-редко она наставления дает, и то застеняется и сразу уходит.

О помыслах

Приходим вечером после дойки со скотного, правило читают. На пол ляжешь — и молишься. А матушка довольная, сидит

на кровати, ножками болтает и радостно так говорит: «Какие же вы у меня счастливые! Никаких помыслов нет. Только один — до койки».

Еще о помыслах

Спрашиваем: «Матушка, как отличить плохие мысли от хороших?» — «Не должно быть вообще никаких мыслей. А то получится — “я умом ходила в город Вифлеем”».

Больная корова

Заболела корова, бьется, лягается, к себе не подпускает. Вымя опухшее, полное молока, а доить нельзя. Сестра на скотном дворе рыдает, прибежала к матушке в келью: «Матушка, у

коровы вымя больное». Матушка даже не слушает, пишет что-то у себя за столиком и говорит между прочим: «Ты через часик к ней сходи, а сейчас иди отсюда, иди». Ну, думает сестра, корова погибает, а матушке и дела нет. За послушание пришла через час в коровник. Корова стоит как ни в чем не бывало, никаких следов воспаления. Спокойно дала подоить себя.

Исцеление

Матушкины чада привезли к ней женщину. Энергичная, деятельная, говорит матушке: «Я открыла законы духовные, сейчас книгу пишу, можно Вам показать?» Матушка согласилась. Целый день эта женщина сидела, читала ей книгу. Матушка слушала, слушала, головой кивала. Та счастлива, что нашла такого слушателя внимательного, да еще в лице схим-

ницы. К вечеру матушка ей говорит: «Ну ладно, дорогая, теперь ты меня послушай. Возьми свою тетрабочку и сожги. Завтра исповедуешься и причастишься». Женщина была настолько поражена, что тут же послушалась, хотя занималась этой книгой несколько лет. Теперь приезжает, матушку благодарит: «Слава Богу, что Вы меня исцелили». А она в самом деле на грани помрачения была.

Преподобный

Приезжала к матушке паломница с дочкой — девочка страдала кожным заболеванием, все лицо изуродовано. Матушка дала им маслица от преподобного Иосифа Волоцкого. Вскоре не осталось и следа от болезни. Приехали они благодарить. А матушка заругалась: «Я-то тут при чем? Преподобный вас вылечил. Его благодарите».

Рак

У рабы Божией Валентины обнаружили раковую опухоль на ноге. Велели делать срочную операцию. Уже день назначили, и духовник благословил оперировать. Матушка узнала про нее от

отца Василия (из Оптиной) и просила ее операцию не делать ни в коем случае. Послала ей свою настойку из травы «софора японская». Смущенная Валентина звонит матушке: как же быть, уже есть благословение на операцию? А матушка: «Не слушайся никого, нельзя тебе делать операцию. Останешься без ноги, кто ухаживать за тобой будет? Мажь софорой».

Сегодня позвонила как раз Валентина – благодарила матушку. Говорит, что от софоры из ноги стал гной выходить, а теперь нога совсем зажила. Матушка радостно отвечает: «Ну вот, а то все говорила «рак, рак». Да не рак, а дурак. Теперь будешь на своих ногах ходить». А нам матушка сказала, что такие чудеса творит милость Божия, а не софора. 16.03.1999 г.

Теперь, спустя 13 лет, можно дополнить эту историю. На отпевание матушки Антонии в Золотухино приехала Валентина, приехала на своих ногах, здоровая, на всю жизнь благодарная матушке. 12.07.2012 г.

*Встреча с игуменом Дамаскиным (Орловским)
в Иосифо-Волоцком монастыре*

Софора

В 90-е годы, когда матушка посетила Оптину пустынь и общалась с братией, к ней подошел с просьбой помолиться сильно расстроенный отец Л., тогда еще инок. У него случилось сильнейшее воспаление руки, до самого плеча, чуть ли не гангренозное состояние. Он обращался к врачам, принимал лучшие антибиотики, но никакого лечения не помогло. Назавтра предстояла очередная встреча с врачами, речь могла идти об ампутации. Мать Антония сразу же говорит ему: «Какой врач? Какая ампутация? Что это такое? Мы тебе сейчас софорой намажем». Она у нее всегда с собой была. Наутро пришел потрясенный отец Л. со здоровой рукой, воспаление спало, настолько, что к врачам ехать уже не было никакой нужды. Сегодня он благополучно трудится в Оптиной на ответственном послушании.

О любви

Матушка сказала: «Стремись всех любить. Не важно, как к тебе относятся, пусть топчут. Важно, чтоб ты любила. Тогда Господь Сам научит, когда что сказать, что сделать».

Страшный Суд

Сегодня весь день дул сильный ветер и флюгер «Поющий Ангел» на башне сильно скрипел. Матушка говорит: «Знаете, о чем Ангел поет? Он трубит: “Скоро Страшный Суд. Скоро-скоро Страшный Суд”».

Охрана

Решили, что матушку надо охранять, всегда держать двери закрытыми. Говорим: «Матушка, еще обязательно надо газовый баллончик купить». А матушка: «Да вот же Господь. Зачем баллончик-то?» 17.11.1998 г.

Келейные поздравления с Днем ангела

Артос

Когда матушка печет просфоры, то обычно вся бывает в муке. Одна сестра говорит ей: «Матушка, Вы как большой пельмень». Другая: «Нет, как просфорка».

А матушка говорит: «Я — артос».

Мать Сусанна потом говорила, что, конечно, артос — ведь вокруг матушки всегда Пасхальная радость.

Матушкины гости

Сердце

Матушка к нам обращается: «Сказано: *Дажь ми, сыне, твое сердце**. А что в нашем сердце? Гады, жабы и крысы...»

Невесты

Матушка залюбовалась, как мы выползаем из храма после полунощницы: «Вот как Господь Своих невест украсил. Все синие, скрюченные! А что болезни — так это ничего, не бойтесь, это чтоб не было плотской брани».

* Притч. 23, 26.

Я уже взрослая

Матушке очень трудно обуваться, поэтому мы всегда ее обуваем. Однажды опоздали и матушке самой пришлось сапоги надеть. Подбегаем: «Матушка, как же Вы обулись-то?» — «Сама. Ведь я уже взрослая».

Конфетка

Жаловалась матушке, что меня никто не любит. Через какое-то время матушка подзывает меня и говорит: «На тебе конфетку. Никому не даю, а тебе даю. По любви даю».

Палка

Как-то раз проспали. На молитву не встаем. Пошла матушка сама нас будить. Идет в облачении, на ней монашеская мантия владыки Антония, которая ей длинна, целый шлейф сзади. На своих больных ногах еле дошла. Очень строгая, открывает дверь в нашу келью: «Я с палкой иду!..» И вдруг: «Ой, ой, держите меня, я падаю!» В этот момент она в мантии запуталась. Мы скорей вскочили — не палки испугались, а что матушка упадет, бросились ее ловить. Весь гнев у нее тут же прошел, вместе потом смеялись.

Святыня

Заболела одна из сестер, матушка решила подлечить ее. Когда стояли на правиле в келье у матушки, она взяла миро свт. Николая, смочила ватку и говорит сестре: «На, жуй». Там же в это время находилась паломница, ей тоже святыни захотелось: «Ой, и мне, матушка, дайте». Только та взяла ватку в рот, матушка говорит: «А теперь глотайте». Гостыя растерялась, но куда деваться — святыня же...

Юродство

Мать Мария решила юродствовать. Стала смирать мать Ангелину — положила ей в кофе кашу. Ангелина хотя и соскучилась по кофе, но терпеливо это снесла. Со словами «кашка моя, кашка» и кашу съела, и кофе выпила. Матушка говорит: «Вот где юродство-то настоящее, а не у Марии».

Жара

Июнь. Стоит сильная жара. Особенно тяжело в молочной — помещение маленькое, и все время плиты включены, влажность. В просфорне тоже не лучше, от плит жара невыносимая. Идем мы с работы: матушка из просфорни, сестры из молочной. Они участливо спрашивают: «Матушка, как Вы? В просфорне, наверное, совсем жарко?» — «Да нет, хорошо, я никакой жары не заметила». — «У нас тоже хорошо», — отвечают молочные.

Жара. У матушки в келье сорок градусов. Сидит, все лицо мокрое. Сестры спрашивают: «Как Вы в такой жаре?» — «Это

еще не жарко. В аду жарче будет. А здесь все надо терпеть с радостью. Поделом, поделом».

Общение с владыкой

У матушки с владыкой Питиримом отношения были самые теплые. Однажды пошла она к владыке просить за кого-то в очередной раз. Владыка раздражается. А она все свое. Владыка совсем рассердился: «Вон отсюда!» У матушки слезы из глаз, но говорит: «А я, а я... а я Вам, владыка, подарочек принесла». И роется по карманам. Нашлась какая-то ручка шариковая, она ему и вручает. Владыка тоже не растерялся: «И я тебе при-

готовил». Тоже какую-то ручку берет и дает матушке. На том и разошлись.

Владыка Питирим говорит как-то матушке: «Я совсем один». А она: «И у меня никого нет». — «Будем с тобой два одиноких».

Бабочка

Матушка говорит однажды: «Где нам приблизиться к Богу, к преданности, любви к Нему? Как бабочка над огнем летает и опалает крылья, так и мы, нечистые, когда Господь приближается, опаемся. Не опалется только тот, кто сам стал самой чистотой, самой любовью, самым милосердием».

Болезнь

Сегодня матушка расхворалась, лежа слушала утреннее правило. Потом говорит: «Нет, надо бороться. Это явно бесовское нападение, таких болезней не бывает — всю огнем жжет». — «Матушка, давайте мы Вам в келье всю службу вычитаем». — «Нет, в храм пойду». 6.03.1998 г.

Вериги

Волоцкие сестры вспоминают, как не раз, с улыбкой потирая колени или похлопывая по ним, матушка весело приговаривала: «Вериги мои».

За благословением

Дочь матушкиной знакомой была в скорби: здоровье расстроено, работы найти не удастся, семью завести не предвидится. Решилась идти в монастырь. Поехали к матушке за благословением. Дорогой мать с дочерью волновались, обсуждали предстоящую беседу. Только открыли дверь в келью матушки, едва поздороваться успели, как слышат вместо приветствия: «Какой монастырь?! Никакого тебе монастыря! Ты еще замуж выйдешь...»

Иерусалим

Матушка рассказывала, что все, о чем говорил ей владыка Антоний, о чем предупреждал, — все уже сбылось. Одно толь-

*Матушка
Антония
на могиле
владыки
Антония
во время
своей
поездки
в поселок
Буча.
2003 г.*

ко недоумение оставалось: «Владыка говорил: «А ты еще в Иерусалиме побываешь?». В 60-е годы это звучало просто сказочно, в начале 90-х, когда матушка об этом вспоминала, это тоже было нереально. Недоумение разрешилось в апреле 2006 года — когда матушка отправилась в паломничество в Иерусалим.

Кино и молитва

Один священник советовал матушке обязательно посмотреть фильм «Остров». Она и слышать не хотела, говорила: «Так это ж кино», — фильмов она вообще не смотрела. Священник дает кассету, уговаривает: «Матушка, там про монахов, все наше — православное. Вам надо посмотреть». Настаивает. «Ох, ну ладно, давай». Пришлось покупать видеоприставку. Денег нет, поехали в долг занимать. Потом за приставкой. Сели наконец вечером смотреть. Матушка насупилась, сидит недовольная. Смотрела, смотрела, минут десять терпела. «Все, хватит, выключайте!» Мы: «А что такое, матушка?» — «Ну всё, хватит, хватит». На том кино и кончилось.

С утра идем за благословением и матушку на правило одевать. Она недовольная сидит, ворчит: «Это что ж такое?! Да что ж это такое?!» И нам: «Убрать, быстро все убрать! Телевизор этот, приставку — все увозите. Что это такое?! Молиться мне не дает». — «Как, матушка? Кто не дает?» — «Да этот — на лодке. Плывет и плывет, плывет и плывет... Молиться не дает. Всё, увозите отсюда». Мы говорим: «Матушка, ну куда это девать? Можно же не смотреть просто». А она очень твердо: «Я говорю — все это убрать. Отдайте кому-нибудь». Потом еще и священнику досталось: «Какое ж там православное!»

Обличение и смирение

Матушка иногда неожиданно обличала наши потаенные грехи. Одну сестру, например, мучило чревоугодие. Однажды сидим за ужином после службы, в мантиях, в камилавках — такие важные. Вдруг матушка берет огромный кусок хлеба и говорит ей: «Съешь». — «Матушка, я больше не могу, Спаси, Господи». — «Тогда с собой возьми, дома съешь. А то целый

Справа: Во время поездки в поселок Буча. Матушка с сестрами на крыльце своего дома, где она жила с владыкой Антонием

Пасхальная служба в Иосифо-Волоцком монастыре.
Крестный ход

как она раньше молиться не любила. Как только служба начинается, кричала: “Не пойду, не пойду! Ни за что не пойду!” Сколько лет я с тобой мучилась». Сестры от смеха давятся: вот, мол, какие вещи открываются. Евфросиния стоит, готова сквозь землю провалиться. Но не пикнешь, не возразишь, не оправдаешься.

Иногда матушка самую послушную Серафиму смиряет. Сели как-то за стол и с такой радостью на жареную картошку набросились. А на столе варенье стояло. Матушка говорит: «Серафима, возьми варенье, положи в картошку, вкуснее будет». У Серафимы даже ни один мускул не дрогнул. Сестры смеются: «Серафима, вкусно?» Она: «Очень».

день ходит и ноет: “Матушка, дай покушать, матушка, дай покушать”». Оправдываться нельзя. Не скажешь ведь, что ничего такого не было. Все сестры смотрят, она, бедная, не знает, куда деваться.

Наш владыка Питирим любил иногда сестер вывозить куда-нибудь. Вот, собрались ехать в деревню Пески на службу. Машина маленькая, взять можно только троих. Матушка: «Кого же мне взять, кого же мне взять?» Пришли мы на службу, и матушка на весь храм говорит: «Так, сестры, никто не поедет в Пески, никого я не возьму. А то мать Сергия целый день так и ноет: “Матушка, возьми меня в Пески”». Сергия не выдержала, вскочила: «Матушка, я Вам ни слова не сказала». — «Ну и что ж, что не сказала, я что ж, не чувствую?»

Один раз пришли в трапезную со службы, все уставшие. Матушка и говорит: «Вот мать Евфросиния идет со службы, а

Матушка раздает угощение прихожанам после службы в праздник прп. Иосифа Волоцкого

Сегодня ночью было нашествие комаров. Мы всю ночь спать не могли и злились. Утром приходим к матушке, а она говорит: «Сегодня ночью напали на меня комары. А я думаю: раньше преподобные сами в комары шли, а я-то двух комаров не могу вынести». Матушка часто нас так вразумляет.

Сегодня одна сестра наша стала матушку укорять, что она человек совсем не духовный и потому нет к ней никакого доверия и уважения. Матушка ей отвечает на это: «Ну что ж делать? В наше время трудно быть духовным. Я всю жизнь стара-

юсь, борюсь со своими страстями, но не каждому это дается. Ну надо стараться, а начинать со смирения надо». Больше ничего не сказала.

Приезжала женщина, со слезами благодарит матушку за молитвы. Ее муж раньше сильно бил, а после того, как она к матушке съездила, — перестал. Матушка нам удивленно говорит: «И при чем тут мои молитвы? Если за всех молиться, то по ночам и спать будет некогда».

В скиту Иосифо-Волоцкого монастыря восстановлен колодец, вырытый 500 лет назад прп. Иосифом Волоцким

Маленькие радости

Матушка всегда, в любой ситуации видит только хорошее, всем довольна. Пойдем в баню — там холодно, вода ржавая. Пока возвращаемся по грязи, чуть не по колено перепачкаемся. Мы таким мытьем очень недовольны. А матушка, наоборот, идет радостная и рассуждает: «Так хорошо помылись. Просторно, никого нет, и воды сколько хочешь лей».

У матушки сильно отекли и опухли ноги. «Ой, матушка, — спрашиваем, — что же это у Вас с ногами?» — «Пополнели», — радостно отвечает.

Матушка спрашивает одну расстроенную послушницу: «Ну как дела?» — «Матушка, ну какие мои дела?» — с болью говорит она. — «Как какие? Хорошие. Всё у нас есть, никто не гонит, молиться не запрещают. Очень все хорошо».

Пришла к матушке одна сестра — грустная, сердце от скорби сжимается. А матушка говорит: «Тебе конфетку сегодня давали?» — «Да». — «А яблочко давали?» — «Да». — «Ну тогда ты должна быть веселая, нечего скорбеть».

Бороть себя

Как-то раз в Иосифо-Волоцком вели матушку со службы под ручки, идти с ней долго. И вот, вздохнула она глубоко и говорит: «Ох, еле выдержала, всю службу боролась: уйти — не уйти. Всю спину как кинжалами пронзало. Каждые десять минут думала: сейчас уйду. Потом: нет, потерплю немножко. И опять минут через десять: всё, не могу, уйду. Еще терплю. Потом уже “1-й час” приближается, думаю: ну всё, на “1-м часе” точно уйду. Начали “1-й час” читать. Ну, думаю, что ж, “1-го часа” уже дождалась, чего ж теперь уходить, уж до конца посижу».

На самом деле много раз так бывало. Правда, она старалась этого не показывать, но те, кто близко были — водили матушку, передевали, часто слышали, как матушка вздохнет: «Еле выдержала...» С юности у нее это — «бороть себя».

Терпение

Матушка сильно мучается с ногами. Но при нас она всегда бодра и весела, даже не подумаешь, что ее мучает постоянная сильная боль и ломота в ногах. Когда же никого рядом нет, то можно заметить ее мучения. Так, сегодня матушка пыталась идти на службу и проговорила: «Не знаю, как я сегодня вытерплю». По вечерам боли усиливаются, и тогда матушка ста-

Богослужение в нижнем храме Успенского собора, который первые годы не отапливался

рается всех от себя отсылать, чтобы мы не видели, что она мучается.

Однажды, при сильных болях, матушка сказала: «Каждую ночь ложусь и не надеюсь уже проснуться. Но утром смотрю — жива. Значит, вставай. Потихоньку расходишься и опять весь день трудишься».

Удивительно, как матушка терпеливо и безропотно несет большие и малые скорби. Страдает, но безропотно, молча терпит. Ноги сильно болят и постоянно, да и вообще старость — но ни слова жалобы, даже по лицу ничего не заметишь. Всегда

бодрая, веселая. Да еще нас унылых и скорбных умеет разве-селить.

А однажды матушка не вытерпела и стала жаловаться: «Ноги ломит, и чешутся, и поопухли». Потом спохватилась и весело сказала: «Горе мне и деду, сяду в электричку и поеду».

Пекли просфоры. Матушка вечером еле-еле добралась до кровати, легла. Спрашиваем: «Матушка, Вам плохо?» — «Нет, хорошо. Что такое хорошо и что такое плохо? Нам всегда хорошо».

Однажды, когда сильно болели ноги, она даже застонала. Но потом стала вслух сама себя убеждать: «Надо быть всегда радостной, веселой, за все благодарить».

Матушка иногда молится вслух: «Господи, Ты Щедрый и Милостивый, у Тебя всего богато. Ты всем все дать можешь. Можешь всем дать терпение, чтоб все нести. Дай и мне терпения».

Напекли просфоры, матушка стала разуваться — все колготки в крови. Мы в ужасе. А матушка спокойно говорит: «Это лишнее вытекло». 1998 г.

Тот, кто находился рядом с матушкой во время осложнения ее сердечно-легочных заболеваний, обычно знал, когда ей уже неотложно требовался укол. Но матушка в таких случаях говорила: «Нет, нет, не надо, я еще потерплю. Я уж три дня терпела, четвертый потерплю». — «Но Вы же до завтра не дотерпите, давайте пораньше сделаем». — «Ну нет, еще потерплю. Может, до утра дотяну». Ей хотелось потерпеть. И она подсчитывала, сколько без уколов продержится: «Четыре дня потерпела, а раньше ведь неделю терпела. Нет, надо еще денек потерпеть». 2012 г.

Матушка сказала: «Ты скорбишь, плачешь. Это очень хорошо, только ты сразу благодари Бога: “Так мне, Господи, так! По делам моим, так мне”. Обязательно благодари, плачь и благодари. Тогда постепенно и радость будет. Скорбно, а от этого радостно».

«Трудно? Говори себе: “Потерплю еще немного, еще немного. Полдня потерплю, часик потерплю, еще часик потерплю”. Так и весь день пройдет, а на второй день уже легче».

«Когда особенно трудно, то проси у Бога побольше: “Дай мне, Господи, всех любить, всех”. Тогда Господь хоть терпение даст».

«Матушка, что Вы делаете, когда начинается нестерпимая боль?» — «Как что делаю? Терплю».

«Матушка, как Вы терпите, где силы взять?» — «Силу мы не можем взять, ее Господь дает».

На курской земле

Курский Свято-Троицкий женский монастырь

На курской земле

В августе 2004 года схимонахиня Антония с основной частью своей монашеской общины переехала из Подмосковья в Курск. Здесь сестры поселились в Свято-Троицком женском монастыре и приступили к восстановлению этой древней обители. Спустя два года матушка переселилась в новый строящийся монастырь во имя Алексия, человека Божия, в поселке Золотухино под Курском, где провела свои последние годы.

Курскому периоду жизни нашей матушки посвящены фотографии, помещенные в этом разделе.

*Слева:
Паломническая поездка
на Святую землю.
Купание в Иордане*

*Внизу: Поездка
в Иосифо-Волоцкий
монастырь. Встреча с
сестрами, насельницами
обители*

Со своей родной сестрой Галиной

*Слева: Матушка Антония
со схимонахиней Мелитиной,
постриженницей владыки Антония.
Алексеевский монастырь.
Золотухино. 2009 г.*

Крестным ходом

*Матушка
Антония с
митрополитом
Лавром.
Владыка
посетил
Алексеевский
монастырь
в 2007 г.*

Вверху: С владыкой Ювеналием в Золотухино

Справа: Матушка Антония со схиархимандритом Илием (Ноздриным) в Глинской пустыни. Справа внизу: Отец Илий во время посещения матушки в Алексеевском монастыре

*Внизу: Встреча с архимандритом Данилом (Ворониным),
духовником Свято-Данилова московского монастыря*

Вверху: С отцом Алексием, иеромонахом Коренной пустыни

Посещение Оптиной пустыни в 2009 г. В келье прп. Амвросия Оптинского. Внизу: С братией Оптинского скита

*Матушка в своей келье
в Золотухино*

*Справа: Матушка смотрит
спектакль учеников детской
воскресной школы*

*День рождения матушки.
2008 г.*

Алексеевский монастырь. 2010 г.

Троица

Монастырь во имя Алексея, человека Божия, Курской епархии

Эпилог

Схимонахиня Антония покинула наш мир в ночь на 10 июля 2012 года.

Наутро в Алексеевский монастырь начали съезжаться духовные чада матушки и близкие люди.

Торжественное отпевание и погребение схимонахини Антонии совершил 12 июля митрополит Курский и Рыльский Герман, в сослужении с епископом Элистинским и Калмыцким Зиновием. Похоронена матушка в склепе у алтаря монастырского храма в честь Иоанна Предтечи в Золотухино.

Прѣнницы же во вѣки живѣтъ,
и во гдѣ мзда ѿхъ
